

Джейн Эротика

Автор:

[Карена Рос](#)

Джейн Эротика

Шарлотта Бронте

Карена Рос

Откройте мировую классику с новой стороны! В канву известной всему миру трогательной истории искусно вплетены волнующие эротические подробности – Джейн Эйр легко поддается мимолетным страстям и всегда готова к любовным приключениям.

В XIX веке роман «Джейн Эйр» стал новым словом в английской литературе, теперь «Джейн Эротика» готова покорить ваши сердца. Карена Рос вдохнула в книгу страсть и желание, сделала ее более чувственной и вызывающей.

Не откажите себе в удовольствии пофантазировать вместе с Джейн, и эта книга станет одной из ваших самых любимых!

Шарлотта Бронте, Карена Рос

Джейн Эротика

Charlotte Bronte, Karena Rose

JANE EYROTICA

Copyright © 2012 by Karena Rose

All rights reserved

© Милоградова Ю.А., перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Глава 1

В то утро нечего было и думать о встрече с Джоном Ридом. Я час бродила по облетевшему саду, тщетно пытаюсь избавиться от горничной моих младших кузин Бесси. Нам с Джоном придется увидеться позже.

Холодный ветер принес с собой хмурые тучи, начал накрапывать пронизывающий дождь, исключаящий всякую возможность прогулки. Бесси позвала меня, и, отказавшись от попыток найти Джона, я вернулась в дом. Мы с Джоном договорились встретиться в зарослях ивы, но, очевидно, что-то ему помешало.

Я даже была рада этому. День был прохладный, и мысль о том, чтобы лежать под мокрыми ветвями ивы, каждую минуту рискуя быть обнаруженными, с горящими от сознания того, что мы делаем что-то запретное, щеками, но не в силах остановиться, не доставляла мне сейчас никакого удовольствия. Вместо этого я вернулась в дом, слушая ругань няни Бесси и все острее ощущая физическое превосходство моих двоюродных сестер, Элизы и Джорджины Рид.

Как только мы вошли в гостиную, Элиза и Джорджина окружили свою маму. Она величественно расположилась на диване перед камином, ее дорогие деточки не ссорились и не ревели, и ее счастья ничто не омрачало. Меня она исключила из участия в этой идиллии, заявив, что «как ни прискорбно ей держать меня в строгости, но, пока Бесси не сообщит, что я прилагаю все усилия к тому, чтобы стать дружелюбной и веселой девочкой, она вынуждена лишить меня привилегий, которыми пользуются другие хорошие воспитанные дети».

– Что я сделала? Что говорит Бесси? – спросила я, полагая, что мои попытки уединиться на прогулке рассердили няню.

– Джейн, я не выношу приверед, которые задают слишком много вопросов, – ответила миссис Рид. – Сядь и помалкивай, пока не научишься говорить вежливо.

Сжав губы, я вышла из комнаты, прекрасно понимая, где могу провести несколько редких минут наедине с собой. Я проскользнула в комнату, которая примыкала к гостиной. Здесь обычно завтракали. Я подошла к книжному шкафу, и, убедившись, что за мной никто не наблюдает, сняла с полки свою любимую книгу. Сердце стучало у меня в груди, а руки дрожали в предвкушении. Забравшись на подоконник и скрестив ноги, я задернула за собой красный занавес, почувствовав прикосновение шелковой ткани к своей горячей, влажной ладони.

Тяжелые складки алых драпировок ограждали меня справа. Колеблющиеся волны огненно-красного цвета как будто отражали пульсацию жаркой крови в моем собственном теле. За окном слева от меня открывался бесцветный пейзаж: под сплошной завесой облаков мокрая лужайка, поникшие кусты, окутанные туманом, и бесконечные струи дождя, которые гнал перед собой ветер. По моему телу прошла легкая дрожь. Капли дождя стекали по оконному стеклу, я повернулась спиной к его пронизывающей ледяной поверхности, и у меня вырвался вздох.

Я жадно листала книгу, и знакомые страницы мягко скользили одна за другой, пока я не добралась до вожделенного портрета. Еще один вздох. Взгляд его глубоких, темных глаз пронзал меня насквозь.

Я прижалась к холодному оконному стеклу, и меня охватила волна жара. На копию этого портрета в каталоге я наткнулась несколько месяцев назад, когда исследовала книжные полки, проглатывая книгу за книгой, и с тех пор возвращалась к нему снова и снова. Уголок безымянной иллюстрации был загнут, и картина мгновенно привлекла мое внимание.

Глаза. Они будто проникали в душу, добираясь до самой сердцевины. Когда я впервые увидела их, то почувствовала прилив вожделения под юбками. Это был тот волнующий трепет, который я бы хотела хоть раз испытать при виде Джона

Рида, но он не шел ни в какое сравнение.

Я медленно проследила пальцами линию его сильного подбородка, чувствуя гладкую поверхность тонкой страницы. Я даже не знала его имени. Роскошный черный наряд, украшенный драгоценными камнями, выдавал его принадлежность к знатному роду, а поза, в которой он стоял, чуть сгорбившись и прислонившись к стене, свидетельствовала о высокомерии и вспыльчивости. Я смотрела на жесткую щетину на его подбородке и копну непослушных темных волос, и что-то подсказывало мне, что ему не по душе пришлось бы симпатичные вытянутые мордашки Элизы и Джорджины. Его непокорный дух искал такой же дикой, мятущейся души.

Мои щеки опалил алый румянец, и я почувствовала тепло внизу живота. Я положила руку себе на грудь, вообразив, что это прикосновение его пальцев, и прочертила изогнутую линию ключицы, оставляя на коже пылающий след. Запрокинув голову и приоткрыв рот, я представляла, как его полные губы оставляли на моей шее легкие поцелуи. Моя рука опустилась ниже, ощущая волнение за корсажем платья.

Внезапно кто-то рывком распахнул дверь комнаты, и я подскочила, отдернув руку.

– Джейн! – Я услышала голос Джона Рида. Он запнулся, увидев, что в комнате никого нет. – Джейн? Где ты? Мама сказала, что ты пошла сюда. Извини, что не пришел в сад, меня кое-что отвлекло. Но сейчас я свободен.

Мысленно похвалив себя за то, что задернула занавеси, я взмолилась, чтобы он не раскрыл моего убежища, хотя мне было досадно, что он не пришел раньше под ивовые деревья. Открытая книга все еще лежала на моих коленях, и я чувствовала на себе взгляд темных глаз, с нетерпением ожидая, когда Джон Рид уйдет. Я догадывалась, что «отвлекла» его одна из горничных. У мистера Рида был хороший аппетит, и только идиот мог полагать, что я не знаю о тех, с кем он проводит время. Он говорил, что любит меня, но вряд ли бы он стал в таком случае искать утешения у кого-то другого.

Он уже собирался уходить, когда в комнату ворвалась Элиза.

– Ищешь Джейн? – с напускной скромностью спросила она. Элиза однажды заметила, как он запустил руку мне в волосы, и, несмотря на свои десять лет, уже кое о чем догадывалась. – Наверняка она сидит на подоконнике, Джон, – произнесла она.

И, не дожидаясь, пока Джон сам это сделает, я отдернула занавес. У него был скверный характер, и ему бы не понравилось, что я так долго игнорирую его просьбы. Я закрыла книгу и попыталась спрятать ее в складках платья.

– Что тебе нужно? – спросила я.

– Говори «Что тебе нужно, мистер Рид?», – последовал ответ.

Он говорил, что обходится со мной сурово при своих сестрах, чтобы сохранить нашу тайну, но я достаточно знала о его наклонностях, чтобы не удовлетвориться таким объяснением. Он вел себя совсем иначе, когда его никто не видел. В такие минуты он готов был целовать каждую веснушку на моей груди.

– Я хочу, чтобы ты подошла сюда, – сказал он, располагаясь в кресле и пояснив жестом, что я должна была подойти и встать перед ним.

Джону Риду было восемнадцать лет, и он учился в школе. Он был на два года старше меня, мне было шестнадцать, хотя Бесси и остальная прислуга относилась ко мне так, как будто я была намного младше. Сейчас он должен был быть в школе, но мама забрала его оттуда под предлогом «слабого здоровья». Мистер Майлз, учитель, полагал, что его здоровье было бы значительно крепче, если бы он получал меньше сладостей из дома, но материнское сердце отвергало такое суровое объяснение и склонялось к более изящной теории, согласно которой болезненный вид Джона вызван переутомлением и, возможно, тоской по дому.

Привыкнув подчиняться Джону, я подошла к креслу, и несколько минут он изучал меня, скользая взглядом по моему телу, потому что знал, как это выводит меня из себя. Это было наказанием за то, что я не проявила покорность сразу и не вышла, как только он позвал меня.

Я размышляла о том, как проигрывает его внешность по сравнению с внешностью моего темноглазого любовника. Когда он целовал меня, я старалась забыть портрет, но не могла не замечать, какой у Джона безвольный подбородок и жестокий взгляд. Темные глаза, строгое лицо на портрете вставали у меня перед глазами, и я представляла, что вместо Джона передо мной был он, оценивая мою худощавую, но гибкую фигуру и независимость моего характера, которая бросалась в глаза.

- Что ты там делала? - спросил Джон Рид.

- Читала.

- Покажи книгу.

В ушах зашумело, и я почувствовала, как дрожат колени. Наверное, он это заметил, я поняла это по улыбке, которая появилась на его лице. Ему нравилось выводить меня из равновесия и в присутствии сестер, и тогда, когда мы оставались наедине. Точнее, ему нравилось чувствовать свою власть надо мной. Я осторожно достала книгу из складок платья, и он выхватил ее из моих рук. К несчастью, страница с загнутым углом привлекла его внимание, и он сразу же начал разглядывать портрет. В его глазах загорелся ревнивый огонек - он угадал, что привлекло меня на этой странице.

- Ты не имеешь права брать наши книги. Мы держим тебя в нашем доме из жалости, - глухо проговорил он. - Смотри же, я отучу тебя рыться в моих шкафах! Это мои шкафы. Весь дом принадлежит мне. Будет принадлежать через несколько лет. Пойди и встань у двери, только подальше от зеркал и окон.

Я подчинилась, не сообразив сразу, что он собирался сделать. Но когда я увидела, что он размахнулся, собираясь бросить в меня книгой, я инстинктивно отшатнулась, вскрикнув от неожиданности. Но, как оказалось, сделала это недостаточно быстро - книга задела меня. Упав, я ударилась головой о дверь и содрала кожу. Из раны текла кровь, и она сильно болела. Я вскочила, уже не чувствуя страха. Как он мог так поступить? Очевидно, дело было не в одном только желании скрыть нашу любовь от сестер.

- Ты злой, жестокий мальчишка! - произнесла я.

– Что? Что ты сказала? – завопил он. – Вы слышали это, Элиза, Джорджина? Может быть, рассказать маме? Но сначала...

Нагнув голову, он бросился ко мне и вцепился в мои волосы одной рукой, ухватив за плечо другой. Я закрыла глаза и представила на его месте моего темноглазого возлюбленного, сжимающего меня в объятиях, как я делала обычно поздней ночью, когда все в доме спали. Я почувствовала, как несколько капель крови упали мне на шею, но в моих мечтах он смахнул бы их поцелуями своих полных нежных губ. Джон схватил прядь моих волос и яростно рванул. Я вскрикнула. Мое тело стало податливым, я позволила делать ему все, что он захочет.

Меня как будто выдернули из объятий воображаемого возлюбленного, пара сильных рук оттащила меня назад, и я услышала:

– Господи Боже! С какой яростью она набросилась на мистера Джона!

– И с какой страстью!

Элиза и Джорджина привели мать и служанку.

Все еще под впечатлением от своего видения я стояла, задыхаясь, и смотрела прямо в глаза миссис Рид.

– Что здесь... – начала она, и тут ее взгляд упал на книгу, брошенную на пол.

Ее поднятые брови сразу дали понять, кто загнул угол страницы. Она вспыхнула и бросила на меня злобный взгляд, а пальцы сжали мое плечо с такой силой, что ее ногти впились мне в кожу.

– Отведите ее в красную комнату и закройте там! – приказала она.

Меня подхватили четыре руки и потащили наверх.

Всю дорогу я сопротивлялась, что было в новинку для Бесси и мисс Эббот и ухудшило их и без того плохое мнение обо мне.

– Как не стыдно! Как не стыдно! – причитала камеристка мисс Эббот. – Что за неслыханное поведение, мисс Эйр, – драться с молодым джентльменом, сыном вашей благодетельницы и вашим хозяином!

– Хозяин? Почему же он мой хозяин? Разве я служанка?!

– Нет, вы хуже служанки! Вы даром едите свой хлеб! Посидите-ка здесь и подумайте о своем злобном характере.

Они втащили меня в красную комнату и толкнули на табурет. Затем Бесси и мисс Эббот встали надо мной, сложив руки на груди и разглядывая меня мрачно и недоверчиво, как будто сомневаясь в моем психическом здоровье.

– Она никогда раньше не вытворяла такого, – сказала наконец Бесси.

– Это всегда в ней было, – последовал ответ мисс Эббот. – Я часто высказывала миссис свое мнение насчет этого ребенка, и она всегда со мной соглашалась. Эта девчонка так скрытна.

Бесси не ответила, но спустя некоторое время произнесла, обращаясь ко мне:

– Вы должны понимать, мисс, скольким вы обязаны миссис Рид. Она позволила вам жить у себя, а не то вас пришлось бы отправить в работный дом.

Я ничего не ответила на эти слова, которые слышала уже много раз. С тех пор, как я себя помню, никто не упускал случая намекнуть на мое положение в доме.

– Это для вашего же блага, – добавила Бесси, и ее голос уже не звучал так сурово. – Если вы будете буянить и грубить, вас отошлют, не сомневайтесь.

– Пойдемте, оставим ее, – сказала мисс Эббот. – Помолитесь хорошенько, мисс Эйр, когда останетесь одна. Если не раскаетесь, что-нибудь злое и скверное может спуститься по трубе и утащить вас с собой.

Они вышли, заперев за собой дверь.

В этой комнате почти никогда не ночевали. Кровать из красного дерева с массивными столбами и тяжелым камчатым пологом висела посередине как священный идол. Два широких окна, часто закрытые ставнями, были задрапированы той же пышной, в складках тканью, напоминавшей похоронное покрывало. Ковер был красным, столик у подножия кровати был накрыт тканью тоже красного цвета, а стены были светло-коричневого оттенка с оттенком розового.

В комнате было холодно, потому что камин здесь разжигали редко. Детская была в другой части дома, поэтому никаких звуков здесь не было слышно, и комната принимала еще более торжественный вид от того, что была необитаема. Только горничная заходила сюда по субботам смахнуть пыль с зеркал. Миссис Рид изредка уединялась здесь, исследуя содержимое некоего потайного ящика в шкафу и, как я могла судить из событий сегодняшнего дня, в нем хранилось еще несколько портретов моего темноглазого возлюбленного. Возможно, она, как и я, тосковала по нежным прикосновениям его рук, ведь ее муж давно умер. В этих последних словах таится загадка этой красной комнаты, на которой с тех пор словно лежало заклятие.

Девять лет назад мистер Рид испустил здесь свой последний вздох. На этой кровати лежало его мертвое тело, и как будто здесь поселился какой-то мрачный дух, которого обитатели дома не решались беспокоить частыми вторжениями.

Я неподвижно сидела на низкой оттоманке возле отделанного мрамором камина. Наконец я решилась встать и проверить, заперта ли дверь. Увы! Ни один узник в мире не находился в более надежной тюрьме. Возвращаясь от двери, я прошла мимо зеркала и, не удержавшись, заглянула в темную бездну. Отраженные в нем предметы предстали чужими, зловещими, а странная маленькая фигурка с выступавшим из темноты бледным лицом казалась уставившимся на меня призраком. Я вернулась на свое место.

Голова все еще болела, а рана кровоточила, я осторожно дотронулась до нее и вздрогнула. Мне все еще не верилось, что Джон мог это сделать. Он был вспыльчивым и грубым, но не жестоким. Возможно, его ослепила ревность.

– Это несправедливо! Несправедливо! – крутилось у меня в голове, ведь его миссис Рид не отчитала за драку. Наверное, жестокость он унаследовал от нее.

В комнате начинало темнеть. Уже пробило четыре часа, и пасмурный день сменялся угрюмыми сумерками. Было слышно, как дождь барабанит по стеклам окон на лестнице, а в роще за домом завывает ветер. Я продрогла, и мужество окончательно покинуло меня.

Я невольно возвращалась мыслями к мистеру Риду, к его смерти, и мои размышления становились все мрачнее. Я не помнила его, но знала, что он был моим единственным дядей – братом моей матери, что он взял меня к себе, когда я осталась сиротой, потеряв родителей, и что, умирая, он взял с миссис Рид обещание, что она будет растить меня как своего собственного ребенка. Меня не отпускала мысль о том, что, если бы мистер Рид был жив, он бы относился ко мне хорошо. В этом я была уверена и никогда не сомневалась. Я сидела, глядя на покрытую белым покрывалом кровать в углу, где уже собирались тени, и вспоминала все, что я слышала о мертвецах, которые, не дождавшись исполнения желаний, высказанных на смертном одре, вставали из гроба, чтобы наказать клятвопреступников и отомстить за угнетенных. Взгляд мой притягивала тускло поблескивающая поверхность темного зеркала, и я представляла, как дух мистера Рида, возмущенный несправедливостями, творящимися по отношению к дочери его сестры, покидает место упокоения и восстает передо мной в этой комнате.

Я утерла слезы и старалась заглушить всхлипы, пребывая в ужасе от того, что сейчас услышу загробный голос, утешающий меня в моей скорби, или увижу светящееся во мраке лицо, склонившееся надо мной с нечеловеческим выражением жалости и сострадания. В этот момент какой-то отблеск упал на стену. Может быть, лунный луч проник через отверстие в ставнях? Нет, свет луны неподвижен. Я не могла оторвать взгляда от светлого пятна, которое скользнуло на потолок и затрепетало над моей головой. Мое сознание было полно ужасных видений, нервы напряжены до предела. Мне казалось, что этот стремительный луч был провозвестником появления потусторонних сил. Сердце колотилось в груди, пылающий мозг наполнялся шумом, который я принимала за шелест крыльев. Что-то, казалось, приближается ко мне, я задыхалась от отчаяния. Не в силах сдерживаться, я бросилась к двери и в бессилии принялась трясти дверную ручку. В коридоре послышались торопливые шаги, в замке повернулся ключ, и на пороге появились Бесси и Эббот.

– Выпустите меня! Я хочу в детскую! – кричала я.

– Что случилось? Ты поранила себя? Что ты увидела? – допрашивала меня Бесси.

– О, Бесси! Я увидела свет и подумала, что сейчас появится призрак! – Я крепко вцепилась в нее, и она не отнимала руки.

– Она нарочно закричала, – заявила Эббот с выражением отвращения на лице. – Ну и крик! Нам показалось, что она страдает от боли, и, конечно, в таком случае можно было бы извинить ее, но ей всего лишь нужно было притащить нас сюда. Мне знакомы все ее гнусные уловки.

– Что тут происходит? – раздался голос миссис Рид, которая появилась в коридоре. Ленты ее чепца развевались, а платье угрожающе шелестело. – Эббот и Бесси, кажется, я ясно дала понять, что Джейн Эйр должна находиться в красной комнате, пока я сама не поднимусь за ней.

– Но мисс Эйр так ужасно кричала, – попыталась возразить Бесси.

– О тетя! Сжальтесь! Простите меня! – умоляла я, вне себя от ужаса. – Я не вынесу этого, накажите меня как-нибудь еще! Я лучше умру, чем...

– Молчать! Подобная несдержанность омерзительна.

В ее глазах я была всего лишь маленькой артисткой. Она искренне считала, что во мне кроются опасные пороки, страсть к непослушанию и двуличие.

Бесси и Эббот посторонились, и миссис Рид, выведенная из себя моими бурными рыданиями и выражением неистовой муки на лице, втолкнула меня обратно в комнату и заперла за собой дверь. Я слышала, как она с шелестом удаляется прочь по коридору. Я вскрикнула и потеряла сознание.

Я помню, как проснулась оттого, что кто-то берет меня на руки, поднимает и усаживает прямо. Я никогда раньше не знала такого бережного и нежного обращения, даже когда была с Джоном. Я склонила голову на подушку или на чью-то руку, и, наконец, почувствовала облегчение.

Через пять минут туман в моей голове рассеялся, и я ясно поняла, что нахожусь в своей постели. Была ночь, на столике горела свеча, а у подножия кровати стояла Бесси с миской в руке. На стуле, наклонившись ко мне, сидел джентльмен.

Отвернувшись от Бесси (ее присутствие было мне гораздо менее неприятно, чем присутствие, например, Эббот), я внимательно всмотрелась в лицо джентльмена. Я знала, что в случае нездоровья слуг к нам приходил мистер Ллойд, аптекарь. Для себя самой и для детей миссис Рид приглашала врача.

- Ну, кто же я? - спросил он.

Я назвала его имя, протянув руку, и он с улыбкой пожал ее.

- Мы отлично поладим, - сказал он.

Затем он уложил меня обратно в постель и наказал Бесси быть осторожной и не беспокоить меня больше этой ночью. Дав еще некоторые указания и предупредив, что зайдет завтра, он ушел. Мне казалось, что, когда он сидит рядом на стуле, я в безопасности, под защитой друга, и я не хотела, чтобы он уходил. Когда он закрыл за собой дверь и комната опять погрузилась во мрак, мое сердце снова наполнилось тревогой.

- Поспите немного, мисс? - голос Бесси звучал мягко.

- Постараюсь, - ответила я.

- Тогда я, пожалуй, пойду спать, ведь уже за полночь. Но вы можете позвать меня, если вам что-нибудь понадобится.

Ободренная ее необычайной любезностью, я решилась задать вопрос.

– Бесси, что со мной случилось? Я заболела?

– Наверное, вы так сильно плакали в красной комнате, что вам стало плохо. Но, без сомнения, вы скоро поправитесь.

Бесси ушла в комнату, где спали горничные, и, поскольку она находилась рядом с детской, я услышала, как она говорит:

– Сара, я попрошу тебя поспать со мной в детской – ни за что в жизни не решусь остаться сегодня одна с этой девочкой. Она ведь может и умереть. Не пойму, с чего вдруг с ней случился этот припадок. Может быть, на самом деле увидела что-нибудь? Миссис Рид все-таки обошлась с ней слишком сурово.

Они с Сарой легли в постель, и я слышала их шепот еще с полчаса, прежде чем они уснули. До меня доносились лишь обрывки разговора, но по ним я могла судить, о чем они говорят: «Прошло мимо нее, все в белом, и исчезло... А за ним – огромный черный пес... Три глухих удара в дверь... Свечение на кладбище, как раз над его могилой...». В конце концов, их голоса смолкли, в камине погас огонь и свеча потухла. Я изо всех сил старалась уснуть, но была настолько охвачена страхом, что даже легкое дыхание Элизы и Джорджины, спящих рядом в своих кроватях, не могло меня успокоить. Я чуть не закричала, когда увидела, что дверь детской медленно отворилась, но тут услышала знакомый голос Джона.

– Джейн?

Я не отвечала, надеясь, что он уйдет. Я не простила его за то, что он ударил меня, и вряд ли когда-нибудь прощу. Пока сидела в красной комнате, я ясно поняла, что Джон не любит меня. Осознание этого пронзило меня холодно и отчетливо, и ссадина на лбу должна была служить мне напоминанием. Мне не следовало верить ему и раньше, зная о черствости его матери и сестер. Облегчением для меня было чувствовать, что я тоже его не любила. Всю жизнь мне не хватало нежности и ощущения привязанности, и я ошибочно пыталась найти это у Джона Рида, но теперь я не так глупа.

– Джейн, извини, что бросил в тебя книгой. Я не хотел. Я притворялся перед Элизой и Джорджиной, ты же знаешь.

Я знала гораздо больше, но по-прежнему не отвечала. От Джона было не так просто избавиться. Он прокрался в детскую и остановился прямо возле моей кровати. Он часто приходил ко мне после полуночи, и наше счастье, что его сестры всегда так крепко спали. В первый раз это случилось примерно полгода назад. Джон Рид приехал домой из школы и всю неделю внимательно приглядывался ко мне. Мне не хватало ласки, и я попала прямо к нему в руки.

– Джейн, ты же знаешь, я люблю тебя, – проговорил он, нежно поглаживая меня по волосам.

Я больше не притворялась, что сплю. Да, он не любил меня, но мне так хотелось, чтобы его слова оказались правдой, и поэтому я провела языком по губам, зная, что это нравится ему.

Он бросил на меня помутневший взгляд и наклонился, чтобы лечь рядом со мной на кровать. Нас разделяла только тонкая простыня, и я почувствовала его эрекцию, когда он осторожно прижался ко мне. Мое тело ответило ему сильным желанием.

– О, Джейн... – прошептал он мне на ухо, касаясь легкого пушка на моей шее.

Я почувствовала, как во мне поднимается волна удовольствия, и запрокинула голову, приоткрыв рот и закрыв глаза. Я представила себе моего темноглазого возлюбленного. В моем воображении именно он, а не Джон, оказался со мной рядом под одеялом и произнес мое имя – Джейн.

Он коснулся своими горячими губами моих губ, затем прижался к ним неистово и страстно. Его язык был у меня во рту, и мы словно пробовали друг друга на вкус. Он провел рукой по моему телу, задержавшись на моей маленькой груди, и, скользнув вниз, оказался между моих ног. Мучительно долго он описывал круги, и я чувствовала удовольствие, рябью расходившееся по моему телу, как по поверхности воды. Я сильно прикусила губу, чтобы не вскрикнуть, и мои бедра подрагивали от возбуждения. Он начал щекотать меня внизу живота, пробегая пальцами от пупка до бедер и обратно, легко сжимая нежную кожу.

– Я хочу тебя, – прошептал он, стягивая с меня рубашку и торопливо снимая одежду с себя.

И опять мой темноглазый любовник оказался сверху, осторожно проникая ко мне между ног. Я задержала дыхание, когда он вошел в меня, пронизывая все мое тело мучительным возбуждением. Он начал медленно двигаться вперед и назад, наполняя и отпуская меня. Пульсирующий ритм внизу живота нарастал, но внезапно он остановился.

Он оставил меня и кончил со вздохом.

– Спокойной ночи, Джейн, – сказал он и ушел, оставив меня неудовлетворенной, впрочем, как и всегда, и с полным осознанием того, что я не любима.

На следующий день где-то около полудня я сидела перед камином в детской, закутавшись в платок. Я чувствовала упадок сил. Главной причиной моей болезни была невыразимая моральная усталость; усталость, от которой слезы медленно текли у меня по щекам. Соленые капли падали вниз одна за другой, несмотря на то, что сейчас было самое время для того, чтобы веселиться, ведь все Риды уехали куда-то вместе со своей мамой. Но меня не отпускало чувство стыда за то, что я уступила Джону прошлой ночью, тогда как мне следовало оставаться твердой. Кроме того, я все еще ощущала последствия обморока в красной комнате.

Бесси принесла мне пирожное на ярко раскрашенной тарелочке китайского фарфора, но я не в силах была есть и отставила ее от себя. Она спросила, не хочу ли я почитать книгу. Слово «книга» ненадолго ободрило, и я попросила ее принести из библиотеки «Путешествия Гулливера». У меня мелькнула отрадная мысль попросить каталог портретов, но я не хотела расспросов, а они непременно последовали бы. «Путешествия Гулливера» я перечитывала не один раз и думала, что, возможно, эта книга послужит утешением моей беспокойной душе. Но мои надежды не оправдались, все казалось по-прежнему унылым и мрачным. Я положила книгу на стол рядом с нетронутым пирожным.

Утром снова заходил мистер Ллойд.

– Как, уже встала? – произнес он, переступая порог детской. – Ну, как она сегодня, няня?

Бесси ответила, что мне уже гораздо лучше.

– Но почему она выглядит такой печальной? Вы плакали, мисс Джейн? Скажите мне, отчего? У вас что-нибудь болит?

– Нет, сэр.

– Вероятно, она плачет оттого, что ее не взяли на прогулку в карете с мадам, – вмешалась Бесси.

– Уверен, что это не так. Ведь она уже слишком большая для таких глупостей.

Я была того же мнения, и, уязвленная превратным мнением о себе, поспешила возразить Бесси:

– Я никогда в жизни не плакала из-за этого, потому что ненавижу ездить в карете. Я плачу, потому что я несчастна.

Добрый аптекарь, казалось, был озадачен. Он внимательно посмотрел на меня своими маленькими серыми глазами. Нельзя сказать, что в них светился ум, но тогда мне показалось, что взгляд его пронизывает меня насквозь. Черты его лица были несколько грубы, но не лишены добродушия. Он рассматривал меня некоторое время.

– Отчего вы заболели вчера? – наконец спросил он.

– Она упала, – снова вмешалась Бесси.

– Упала? Как несмышленный младенец? Разве она еще не научилась ходить? На вид ей уже двенадцать лет.

– Меня толкнули, – объяснение получилось невразумительным из-за нового приступа болезненной гордости. – Мне шестнадцать. Но заболела я не поэтому, – добавила я.

– Шестнадцать! В таком случае ты уже достаточно выросла из того возраста, чтобы спать в детской, – произнес он, оглядывая комнату.

И мне, и миссис Рид это было прекрасно известно, но она пользовалась этим, чтобы лишний раз наказать меня. Ей нравилось обращаться со мной, как с ребенком, и тот факт, что я выглядела младше своих лет, способствовал моему унижению.

Раздался звонок. Мистер Ллойд знал, что слугам пора обедать, и, обращаясь к Бесси, произнес:

– Это вам, няня. Вы можете идти вниз, а я пока побеседую с Джейн.

Бесси охотно бы осталась, но знала, что не может не пойти, потому что пунктуальность была обязательным условием для слуг в Гейтсхед-холле.

– Если не ушиб стал причиной твоей болезни, то что тогда? – продолжал настаивать мистер Ллойд, когда мы остались одни.

– Я несчастна, очень несчастна из-за разных вещей, – ответила я.

– Каких вещей? Расскажи мне.

Как бы я хотела дать ответ на этот вопрос! Если бы только все не было так сложно! Боясь упустить первую и единственную за столько лет возможность облегчить душу, поделившись своими горестями, я постаралась дать пусть не исчерпывающий, но хотя бы правдивый ответ.

– В первую очередь, у меня нет ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер.

– У тебя есть любящая тетя и кузены.

Я запнулась, и объяснение снова получилось неловким:

– Но ведь это Джон Рид толкнул меня, а тетя заперла в красной комнате.

Мистер Ллойд взял уже вторую понюшку табаку за последние несколько минут.

– Но ведь в Гейтсхед-холле так красиво. Разве ты не благодарна за то, что можешь жить в таком прекрасном месте? – спросил он.

– Если бы мне было куда пойти, я бы уехала отсюда, но я не смогу этого сделать, пока не стану взрослой.

– Не может быть, чтобы тебе было некуда пойти. Есть ли у тебя другие родственники?

– Я о них не знаю, сэр.

– Тебе хотелось бы поехать учиться в школу?

Я снова задумалась. Я не очень хорошо представляла себе, что такое школа. Бесси иногда говорила, что в школе юные леди сидят целый день за черными досками и ведут себя в высшей степени скромно и прилично. Джон Рид ненавидел школу и давал обидные клички своему учителю, но вкусы Джона не были для меня законом, и хотя сведения Бесси о школьной дисциплине (почерпнутые у юных леди, няней которых она была до того, как ее взяли в Гейтсхед) звучали угрожающе, то намеки на достоинства, приобретенные вышеупомянутыми леди, привлекали меня гораздо больше. Она расхваливала мастерство, с которым они писали прекрасные пейзажи и натюрморты, распевали песни, исполняли музыкальные произведения, вышивали и переводили с французского. Я слушала, и во мне загорался дух соперничества. Кроме того, школа совершенно изменит мою жизнь.

– Я бы, несомненно, очень хотела поехать в школу, – произнесла я вслух.

– Посмотрим, посмотрим. Кто знает, что может произойти? – произнес мистер Ллойд, поднимаясь. – Ребенку следует сменить обстановку, – добавил он, как будто про себя. – Нервы совершенно расстроены.

В тот же самый момент вернулась Бесси, а за окном послышался шорох колес по гравиевой дорожке.

– Это, вероятно, хозяйка. Я бы хотел поговорить с ней перед уходом, – сказал аптекарь.

Бесси показала ему дорогу, проводив в маленькую столовую. В последовавшем затем разговоре между ним и миссис Рид он, как я думаю, отважился предложить ей отправить меня в школу. Без сомнения, совет был принят без долгих раздумий, поскольку, как сказала Эббот, сидя однажды вечером за вышиванием с Бесси и думая, что я уже сплю, «миссис Рид, надо думать, была только рада избавиться от этой вредной, испорченной девчонки, которая только и знала, что подглядывать за всеми да строить козни». Из того же самого разговора я впервые узнала, что мой отец был бедным пастором, что моя мать вышла за него замуж вопреки советам близких, которые считали его ниже себя по положению, и что мой дедушка Рид был так разгневан ее непослушанием, что не оставил ей в наследство ни шиллинга. Спустя год после свадьбы мой отец заразился тифом, навещая бедных прихожан в фабричном городе, где располагался его приход и где свирепствовала в то время эпидемия болезни. Моя мать вскоре тоже заболела, и они оба умерли с разницей всего в один месяц.

Бесси, услышав мою историю, вздохнула и сказала:

– Бедную мисс Джейн тоже стоит пожалеть, Эббот.

– Стоило бы, коль она была бы милым послушным ребенком, но покажи мне того, кто станет жалеть такого мерзкого лягушонка!

– Никто не станет, это верно, – согласилась Бесси. – Дураку понятно, что красавица вроде мисс Джорджины, попади она в такое положение, вызвала бы больше сострадания.

– А то! Я души не чаю в мисс Джорджине! – страстно воскликнула Эббот. – Прелесть! Длинные кудряшки, голубые глазки, щечки румяные – картинка! Бесси, я бы не отказалась от кролика на ужин.

– Я бы тоже – с жареным лучком. Пойдем, спустимся в кухню.

И они вышли.

Я надеялась, что в моей жизни скоро наступят перемены, я страстно этого хотела и молча ждала. Однако проходили дни и недели, мое здоровье полностью восстановилось, а в доме не произносили больше ни слова о том, что меня так беспокоило. Миссис Рид иногда окидывала меня изучающим суровым взором, но заговаривала со мной очень редко. После того случая с обмороком она еще сильнее старалась подчеркнуть разницу между мной и своими собственными детьми. Мне отвели маленький чуланчик, где я спала в одиночестве, завтракала и обедала я отдельно и почти все время проводила в детской. Не было ни единого намека на то, что скоро я отправлюсь в школу. Но инстинктивно я чувствовала, что она больше не намерена выносить моего присутствия под одной с ней крышей. Временами она бросала на меня взгляд, полный глубокого непреодолимого отвращения.

Джон появился в моей скромной каморке в первую же ночь, я была уверена, что он придет.

- Джейн, - прошептал он, скользнув в дверь.

- Нет, - ответила я резко, сев в кровати.

Он остановился, пытаясь встретиться со мной глазами в темноте. При мысли о его осторожных ласках я почувствовала, что все внутри меня истекает томлением, а кожа требует прикосновения, но я резко одернула себя. Я не поддамся собственным желаниям и больше не позволю Джону пользоваться мной.

Его уродливый лоб прорезала глубокая складка. Да, он был уродлив, и теперь я это ясно видела. У него было широкое, мясистое лицо его матери и тучная фигура.

- Возвращайся к своим горничным и не приходи сюда больше, - сказала я.

Я подумала, что он сейчас ударит меня. По его искривленным губам было видно, что в нем поднимается ярость, но внезапно он повернулся и резко вышел. С тех пор он не достаивал меня ни единым взглядом.

На следующий день я слышала, как он жалуется на меня матери.

– Не произноси при мне ее имя, Джон, – резко ответила она. – Я сказала тебе не подходить к ней, она недостойна упоминания.

И неожиданно для себя я крикнула, перегнувшись через перила:

– Это они не достойны того, чтобы разговаривать со мной!

При всей своей тучности миссис Рид стремительно взлетела вверх по лестнице, услышав это неосторожное замечание, и, втащив меня в детскую и швырнув на кровать, довольно настойчиво посоветовала не сходить с этого места и не произносить ни звука до самого вечера.

– Что бы сказал дядя Рид, если бы был жив? – произнесла я в ответ.

– Что... – едва смогла выговорить миссис Рид.

В ее холодных серых глазах обычно стояло застывшее спокойное выражение, но сейчас я увидела в них страх. Она выпустила мою руку и уставилась на меня так, как будто перед ней был не ребенок, а злобный демон.

– Мой дядя Рид сейчас на небесах, он видит все, что вы делаете и думаете. Папа и мама тоже видят, они знают, что вы запираете меня на весь день и хотите, чтобы я умерла.

Миссис Рид наконец обрела присутствие духа. Не говоря ни слова, она начала яростно трясти меня, затем надавала пощечин и ушла.

Прошли ноябрь, декабрь и половина января. Рождество и Новый год в Гейтсхеде прошли в обычном веселом оживлении. Здесь обменивались подарками, устраивали праздничные обеды и закатывали вечеринки. Я, естественно, была лишена права участвовать в веселье, ограничиваясь тем, что наблюдала, как Элиза и Джорджина спускались в гостиную, нарядившись в платья из муслина с алыми поясами и тщательно завив волосы. Я слушала звуки пианино или арфы, доносившиеся снизу, звон стаканов и фарфора, когда подавали угощение, и обрывки разговора, если открывалась дверь гостиной. Когда сидеть на верхней

площадке становилось невыносимо скучно, я возвращалась в детскую, где царил тишина. Мне было немного грустно, но я не чувствовала себя несчастной. Я сидела, поджав под себя ноги, и думала о своем темноглазом возлюбленном, потому что мне казалось, что никто больше на всем белом свете не был ко мне привязан. Если бы Бесси выказывала чуть больше доброты и сочувствия, я бы с удовольствием проводила тихие вечера подле нее, но, одев юных леди, она удалялась на оживленную кухню или в комнату экономки, обычно унося с собой и свечу.

Я сидела перед угасающим камином, посадив куклу к себе на колени и иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что тени, залегающие в углах комнаты, не таили в себе никакой опасности. Когда в камине оставались только тускло тлеющие красные угольки, я поспешно снимала одежду, обрывая крючки и тесемки, и пряталась от холода и темноты в своей постели. В кровать я обычно брала с собой куклу; людям свойственно к чему-то привязываться. Я никогда больше так страстно не желала появления моего возлюбленного с его темными глазами и черными волосами. Я больше не видела его портрета с тех пор, но я помнила каждую черточку его лица. Дикий огонек в его глазах, который так нравился мне, согревал меня в мрачные часы одиночества. Я представляла, как взгляд этих глаз устремлен на меня с любовью, которой мне так не хватало.

Иногда Бесси поднималась вверх, забыв наперсток или ножницы, или приносила мне что-нибудь, оставшееся от ужина, и присаживалась на край кровати, пока я ела. Потом она укутывала меня поплотнее в одеяло, целовала и говорила: «Спокойной ночи, мисс Джейн». Когда Бесси проявляла нежность ко мне, она казалась мне самым лучшим, милым и добрым существом на земле, и я страстно желала, чтобы она всегда была со мной так приветлива. Я хорошо помню эту стройную молодую женщину: у нее были черные волосы, темные глаза, приятные черты и свежий цвет лица, но характер – непостоянный и вспыльчивый. Как бы то ни было, она нравилась мне больше, чем любой другой обитатель Гейтсхед-холла.

Пятнадцатого января в девять часов утра долгий период ожидания наконец подошел к концу. Бесси ушла вниз завтракать, Элиза надевала шляпку и теплое пальто, чтобы идти кормить своих птиц. Джорджина сидела на высоком стуле, причесываясь перед зеркалом, а я заправляла кровати, получив от Бесси строгий приказ прибрать все до ее прихода (она часто использовала меня в качестве второй горничной).

Расправив пледы, я подошла к окну, чтобы сложить книжки с картинками и игрушечную мебель, разбросанную на подоконнике. Джорджина резко окрикнула меня – она запрещала мне трогать ее вещи (крошечные стульчики и зеркала, изящные тарелочки и чашечки – все это принадлежало ей), и я, не находя другого занятия, начала дышать на стекла, покрытые морозными узорами, чтобы посмотреть, что делается за окном. Растопив горячим дыханием просвет в причудливых листьях и цветах изморози на окне, я увидела, что ворота парка открыты и в них въезжает экипаж. Я безразлично наблюдала, как он катит к крыльцу, ведь в Гейтсхед часто приезжали гости, но ни один из них не имел никакого отношения ко мне.

Внезапно в детскую вбежала Бесси.

– Мисс Джейн, снимайте скорее передник. Чем это вы там занимаетесь? Умывались ли вы сегодня?

– Нет, Бесси, я только что закончила уборку.

– Несносная замарашка! Ну, что это вы там делаете?

Я была избавлена от необходимости отвечать, потому что Бесси слишком суетилась, чтобы слушать объяснения. Она потащила меня к умывальнику и поспешно бросилась меня умывать и, выпроводив на лестницу, приказала идти прямо в столовую. Я не успела спросить, кто меня ждет, так как Бесси уже умчалась, и медленно начала спускаться. Вот уже три месяца, как я не слышала от миссис Рид приглашения спуститься вниз. Столовая, зал и гостиная стали для меня заповедной зоной, в которую я не смела вторгаться.

Я остановилась в пустом коридоре перед дверью столовой, дрожа от страха. Я не решалась войти, но и вернуться в детскую я тоже никогда не решилась бы. Целых десять минут я провела в смятении. Яростный звон колокольчика, призывающего к завтраку, заставил меня принять решение.

– Кому я могла понадобиться? – спрашивала я себя, обеими руками нажимая на тугую дверную ручку, которая пару мгновений не желала поддаваться. Наконец, ручка опустилась, дверь распахнулась, я вошла, присела в низком реверансе и увидела мужчину.

Миссис Рид сидела на своем обычном месте возле камина. Она показала мне жестом, что можно подойти, и представила меня человеку, на лице которого застыло холодное выражение.

- Вот девочка, в отношении которой я писала вам, - сказала она.

Человек медленно повернул ко мне голову и, внимательно изучив меня серыми глазками, поблескивавшими из-под кустистых бровей, величественным низким голосом произнес:

- Как тебя зовут, девочка?

- Джейн Эйр, сэр, - вымолвила я, подняв голову. Он показался мне очень высоким, но тогда я была невелика ростом. У него было крупное лицо, и весь облик его был жестким и неприступным.

- Ну, Джейн Эйр, ты хорошая девочка?

Миссис Рид ответила за меня, многозначительно покачав головой:

- Вероятно, чем меньше об этом говорить, тем лучше, мистер Брокльхерст.

- Мне жаль это слышать. Нам нужно побеседовать.

Переломившись под прямым углом, он опустился в кресло напротив миссис Рид.

- Подойди сюда, - сказал он.

Я шагнула на ковер, и он поставил меня строго перед собой. Ну и лицо у него было! Теперь, когда он был на одном уровне со мной, я смогла его рассмотреть. Огромный нос! А рот! И эти выступающие вперед зубы!

- Нет зрелища более горестного, чем непослушный ребенок, - начал он. - Знаешь ли ты, куда попадают плохие люди после смерти?

- Они попадают в ад, - последовал мой заученный ответ.

– А что такое ад?

– Яма, полная огня.

– Хотелось бы тебе оказаться в этой яме и гореть в огне вечно?

– Нет, сэр.

– Так что же нужно делать, чтобы не попасть туда?

Мгновение я раздумывала.

– Нужно заботиться о своем здоровье, чтобы не умереть.

Здесь миссис Рид вмешалась, приказала мне сесть и взяла беседу в свои руки.

– Мистер Брокльхерст, в письме, которое вы получили от меня три недели назад, я упомянула, что нрав и поведение этой девочки не вполне отвечают моим упованиям. Если вы примете ее в Ловудскую школу, я бы советовала вам предупредить учителей, что стоит держать ее в строгости, стараясь искоренить самый худший из ее пороков – склонность к притворству.

Эти несправедливые слова задели меня тем сильнее, что были высказаны перед незнакомым человеком. Я смутно сознавала, что она хочет лишить меня даже этой неясной надежды на то, что в моей жизни произойдет перемена к лучшему. Мне казалось, что она старается посеять ростки недоверия и злобы на новом пути, который открывался мне. Я чувствовала, как, лишенная возможности оправдаться, я превращаюсь в глазах мистера Брокльхерста в хитрую, испорченную девочку.

– Печально замечать притворство в ребенке, – сказал мистер Брокльхерст. – За ней нужно присматривать, миссис Рид. Я поговорю с мисс Темпл и учителями.

– Я надеюсь, что методы воспитания будут соответствовать ее склонностям. Ей нужно научиться скромности и трудолюбию. Что касается каникул – их она будет проводить в Ловуде.

– Вы рассуждаете в высшей степени благоразумно, мадам, – отозвался мистер Брокльхерст.

– Таким образом, я могу положиться на то, что это дитя будет принято в Ловуд?

– Можете, мадам.

– Девочка будет отправлена в школу как можно скорее. Уверяю вас, я стремлюсь снять с себя груз ответственности, который стал чересчур обременительным.

– Разумеется, разумеется. А сейчас разрешите откланяться. Я извещу мисс Темпл, что ожидается прибытие новой девочки, чтобы с ее приездом не возникло никаких осложнений. Прощайте, – и мистер Брокльхерст вышел.

Мы с миссис Рид остались вдвоем, и на несколько минут воцарилось молчание. Она занималась шитьем, я смотрела на нее. Я болезненно ощущала привкус разговора, звуки которого только что стихли в этой комнате. Каждое слово все еще резко отдавалось у меня в ушах, и в глубине души копилось негодование.

Миссис Рид подняла на меня глаза, приостановив ловкие движения пальцами.

– Выйди из комнаты и поднимайся в детскую, – последовал приказ.

Я поднялась и пошла к двери, но затем вернулась. Я миновала окно, прошла через всю комнату и приблизилась к ее креслу. Я должна была говорить. Меня жестоко подавляли, и теперь пришло время сказать. Я собрала все свои силы.

– Я не лгунья, – начала я. – Если бы я была лгуньей, то сказала бы, что люблю вас, но я могу заявить, что это не так. Больше вас в этом мире я ненавижу только Джона Рида. Это ваши дочери, Элиза и Джорджина, все время лгут.

Миссис Рид, не отрываясь, созерцала меня ледяным взглядом.

– Что-то еще? – спросила она.

Дрожа с головы до ног и пытаясь подавить охватившее меня нервное возбуждение, я не могла остановиться:

– Я рада, что вы мне не родственница. Я никогда в жизни не назову вас тетей. Я не приеду к вам, даже когда вырасту. И если кто-нибудь спросит меня о том, как мне жилось у вас, любила ли я вас, я отвечу, что мне отвратительна сама мысль о вас, потому что вы были жестоки ко мне.

– Да как ты смеешь такое говорить, Джейн Эйр?!

– Как смею? Как я смею? Потому что это правда! Вы думаете, что у меня нет чувств и я могу обойтись без любви, без ласки? Но я не могу. В вас нет сострадания. Я буду до самой смерти помнить, как вы бросили меня в красной комнате, заперли там. Я рыдала в ужасе, кричала, задыхалась, но в вас не было ни капли жалости. Вы наказали меня за то, что ваш злой сын ударил меня, сбил меня с ног просто так. Люди думают, что вы достойная женщина, но вы дурная и черствая. Вы – лгунья и притворщица!

Едва я вымолвила последние слова, как почувствовала, что моя душа воспаряет в ликованиях, наполняется странным ощущением свободы, которого я не знала раньше. Миссис Рид, казалось, была напугана; она выронила шитье и сидела, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Джейн, ты ошибаешься. Что с тобой? Ты вся дрожишь! Хочешь воды?

– Нет, миссис Рид.

– Джейн, ты слишком возбуждена. Ну же, возвращайся в детскую, милая, и приляг.

– Не называйте меня милой, я не хочу лежать! Отправьте меня в школу поскорее, миссис Рид, я ненавижу этот дом!

– Отправлю как можно скорее, – пробормотала миссис Рид и, подобрав шитье, стремительно вышла из комнаты.

Я была оставлена на поле боя, из которого вышла победителем. Первый бой – и первая победа. Какое-то время я не двигалась с места, попирая ковер, на котором недавно стоял мистер Брокльхерст, и наслаждалась одиночеством завоевателя. Я точно знала, чем себя вознаградить. Бегом бросившись в

соседнюю комнату, я чувствовала, как меня захватывала волна щекочущего возбуждения. Я ощущала покалывание в пальцах и трепет в груди при мысли о том, что скоро увижу знакомые черты. Я едва нашла нужный том, потому что миссис Рид убрала его в дальний угол. Вне себя от нетерпения я вытащила книгу, торопливо перелистала страницы и нахмурилась, не увидев нужной. Кто-то вырвал ее. Миссис Рид забрала его у меня, или, может быть, это был Джон.

Я не была удивлена, что последовало очередное несправедливое наказание. Даже, наверное, ожидала, что страница будет вырвана. Я поставила книгу на место и опустилась на пол, застыв в меланхолической грусти. Его облик сохранился навсегда в моей памяти, им не под силу будет вырвать его оттуда.

Внезапно я услышала звонкий голос:

– Мисс Джейн! Где вы? Идите обедать!

Голос принадлежал Бесси, но я не пошевелилась. Легкими шагами она вошла в комнату.

– Маленькая негодница! – сказала она. – Почему вы не идете, когда вас зовут?

Ее присутствие вывело меня из оцепенения. Я подошла к ней, обняла и сказала:

– Ну же, Бесси, хватит браниться.

Я никогда раньше не позволяла себе такой искренности, и это неожиданно пришлось ей по душе.

– Вы странный ребенок, мисс Джейн, – сказала она, глядя на меня сверху вниз. – Маленькая одинокая бродяжка. Вы, верно, едете в школу?

Я кивнула.

– И вам не жаль оставлять свою бедную Бесси?

– Какое дело Бесси до меня? Она все время бранится.

- Это оттого, что вы такая пугливая и застенчивая. Вам нужно быть храброй.
- Чтобы меня еще больше обижали?
- Чепуха! Хотя вам достается, это верно. Ну-ка, идемте, у меня для вас хорошие новости.
- Вряд ли для меня бывают хорошие новости, Бесси.
- Детка! Что вы такое говорите? Какие печальные у вас глаза! Миссис с юными леди и мистером Джоном уезжают в гости, и мы будем с вами пить чай вдвоем. Я попрошу кухарку испечь вам пирожок, а потом вы поможете мне проверить ваше белье, скоро нужно будет укладывать вещи. Миссис хочет отправить вас в школу через день-два.
- Бесси, обещаю тебе, что не будешь ругать меня до моего отъезда.
- Обещаю, но вы должны быть послушной девочкой и не бояться меня. Не надо вздрагивать каждый раз, как я прикрикну на вас, это так раздражает.
- Тебя я больше не буду бояться, Бесси, я к тебе привыкла. Скоро мне нужно будет опасаться других людей.
- Ага, значит, вы уже и рады, что оставляете меня.
- Нисколько, Бесси. Как раз сейчас мне грустно от этого.
- Как раз сейчас! С какой прохладцей говорит это моя маленькая леди! Ну а если я осмелюсь попросить поцелуя, вы, пожалуй, мне откажете?
- Я поцелую тебя, наклонись.

Бесси наклонилась, мы обнялись, и я, немного приободрившись, проследовала за ней. День прошел в мире и согласии, а вечером Бесси рассказывала самые свои увлекательные истории и пела самые милые песни. Даже моя жизнь озарялась иногда светом солнца.

Глава 5

Утром девятнадцатого января, едва пробило пять часов утра, Бесси вошла со свечой в мой чулан и застала меня почти одетой. Я встала за полчаса до ее прихода и тщательно умылась. Мне предстояло покинуть Гейтсхед с дилижансом, который должен был проезжать ворота в шесть часов. Все, кроме Бесси, еще спали. Она уже разожгла камин в детской и отправилась готовить мне завтрак. Мало кто способен есть перед предстоящим увлекательным путешествием, вот и я не могла проглотить ни кусочка. Бесси приложила все усилия к тому, чтобы я сделала пару глотков горячего молока и съела кусочек хлеба, но, ничего толком не добившись, завернула пару бисквитов и положила в мою сумку. Затем она помогла мне надеть пальто и шляпку, и мы вышли из детской. Когда мы проходили спальню миссис Рид, Бесси спросила меня: «Вы не зайдете попрощаться?»

– Нет, – ответила я. – Она заходила вчера перед сном и сказала, что нет надобности беспокоить ее с утра. Она наказала мне помнить, что всегда была моим добрым другом и мне следует быть благодарной и отзываться о ней соответствующе.

– И что вы ответили, мисс?

– Ничего. Я накрылась одеялом и отвернулась к стене.

– Это нехорошо, мисс Джейн.

– Хорошо, Бесси. Твоя миссис была мне не другом, а врагом.

– О, мисс Джейн, не говорите так!

– Прощай, Гейтсхед! – воскликнула я, когда мы прошли через зал и вышли в парадную дверь.

Луна зашла, кругом стояла тьма. Зимнее утро было сырым и холодным, и у меня стучали зубы, когда я торопливо шла по дорожке. В сторожке горел свет, жена

привратника растапливала печь. Мой чемодан, который принесли еще вчера вечером, стоял, перевязанный веревками, у двери. Послышалось шуршание колес, извещавшее о приближении дилижанса. Пятна фонарей быстро увеличивались, прорезая предрассветный сумрак.

- Она едет одна? - спросила жена привратника.

- Да.

- И далеко это?

- Пятьдесят миль.

- Долгий путь! Неужели миссис Рид не боится отправлять ее в такую даль одну?

Дилижанс подъехал. Кучер и кондуктор велели побыстрее садиться. Мой чемодан погрузили. Я не могла распрощаться с Бесси, лицо которой покрывала поцелуями.

- Поезжайте осторожно и берегите ее, - сказала она кондуктору, который поднимал меня наверх.

- Ладно, ладно, - последовал ответ.

Дверь захлопнулась и раздался голос: «Поехали».

Так я рассталась с Бесси и Гейтсхедом и устремила навстречу неведомому. Я очень смутно помню эту поездку. День казался нескончаемым, мы словно проехали сотни и сотни долгих миль. Мимо пронеслось несколько городов, в самом крупном из них кучер остановился, лошадей распрягли, а пассажиры вышли пообедать. Меня отвели на постоялый двор, кондуктор хотел, чтобы я что-нибудь съела, но у меня не было аппетита, и он оставил меня одну в огромной комнате с двумя каминами в противоположных концах. Прошло много времени, прежде чем кондуктор вернулся, водворил меня на место, и мы поехали дальше.

День был промозглый и туманный. С приходом сумерек я начала размышлять о том, что мы, вероятно, уже очень далеко от Гейтсхеда, потому что больше не проезжали городов. Пейзаж изменился, горизонт теперь заслоняли высокие серые холмы. Сумерки сгущались, мы въехали в долину, поросшую лесом, и, когда совсем стемнело, я услышала, как сильный ветер яростно шумит кронами деревьев.

Убаюканная этими звуками, я начала клевать носом. Я задремала, но тут почувствовала, что дилижанс внезапно остановился, дверь отворилась. Я увидела женщину, одетую как служанка. Ее лицо и платье были освещены светом фонарей.

- Есть ли здесь девочка по имени Джейн Эйр? - спросила она.

- Да, - ответила я.

Меня вынесли наружу, спустили чемодан, и дилижанс мгновенно скрылся.

Способность ясно мыслить вернулась ко мне через некоторое время, и я осмотрелась. Темнота была наполнена дождевыми каплями и шумом ветра, но мне удалось разглядеть вытянутое строение - или множество строений с многочисленными окнами, в некоторых из них горели огоньки. Я проследовала за своей проводницей ко входу по дорожке, усыпанной галькой, мокрой от дождя. Она проводила меня по коридору в комнату, где пылал камин, и оставила одну.

Я стояла у огня, отогревая онемевшие пальцы, когда в комнату вошли две женщины. Одной из них была высокая дама с темными волосами, темными глазами, широким лбом и печальным выражением лица. В руке у нее была свеча.

- Ее нужно поскорее отвести в постель, - сказала она. - Девочка выглядит усталой. Ты устала? - обратилась она ко мне, положив руку на мое плечо.

- Немного, мэм, - ответила я.

- И, без сомнения, хочешь есть. Накормите ее ужином, мисс Миллер. Ты первый раз покидаешь своих родителей, дитя мое?

Я рассказала, что у меня нет родителей. Она спросила о том, как давно они умерли, сколько мне лет, как мое имя, умею ли я читать, писать и шить, затем слегка коснулась пальцем моей щеки и произнесла: «Я надеюсь, ты будешь хорошей девочкой» и вышла, оставив меня наедине с мисс Миллер.

Мы долго шли через бесконечные комнаты и коридоры огромного, беспорядочно построенного здания. В конце концов, мы оказались в широкой зале, где стояли два длинных сосновых стола с зажженными свечами. На скамьях вокруг столов сидели девочки разных возрастов, от девяти или десяти до двадцати лет. Они были одеты в одинаковые коричневые шерстяные платья старомодного покроя и холщовые передники. Был час самостоятельных занятий, и они все заучивали уроки на завтра.

Мисс Миллер показала мне на скамью возле двери, куда мне следовало сесть, и, повернувшись лицом к девочкам, громко приказала: «Старшие, соберите учебники и поставьте их на полки». Четыре высокие девушки поднялись со своих мест в разных концах стола и, обойдя всех, собрали учебники. Снова раздался приказ: «Старшие, принесите подносы с едой».

Девушки вышли и быстро вернулись с подносами, уставленными тарелками. На каждом из подносов стоял кувшин с водой и кружка. Девочки передавали друг другу тарелки, но, когда очередь дошла до меня, я только отпила из кружки, но не притронулась к еде, чувствуя нервное возбуждение и усталость.

Ужин был окончен, мисс Миллер прочитала молитвы, и девочки парами направились вверх. Охваченная непреодолимой слабостью, я едва замечала, что происходит вокруг меня, и отметила только про себя, что спальня, как и классная комната, была очень длинной. Этой ночью я должна была спать с мисс Миллер. Она помогла мне раздеться, и когда через десять минут потух единственный огонек, комната погрузилась в молчание. Помню только, что успела поздравить себя с тем, что мне теперь нечего опасаться ночных посещений Джона Рида, я была избавлена хотя бы от этого искушения. С этой мыслью я уснула.

Ночь показалась мне очень короткой, у меня не было сил даже на то, чтобы видеть сны. Я только раз проснулась от шума порывистого ветра, налетавшего со злобным удовольствием, и дождя, который обрушивался потоками на крышу, и почувствовала, что мисс Миллер уже лежит рядом. Когда я открыла глаза в следующий раз, звонили в колокол, девочки уже встали и одевались. Я

поднялась с неохотой, потому что было невыносимо холодно, оделась, дрожа всем телом, и умылась, когда освободился таз. Снова начал звонить колокол. Девочки выстроились в шеренгу попарно и прошли в холодную, тускло освещенную классную комнату. Мисс Миллер прочитала молитвы и скомандовала: «Встать по классам».

Начались занятия. Сначала произнесли молитву, затем несколько текстов Писания, после последовало длительное чтение глав из Библии. Все это заняло час. Рассвело. Прозвенел звонок, девочки опять построились и прошли в другую комнату на завтрак. Как я радовалась возможности поесть! Я чуть не падала от истощения, потому что днем раньше почти ничего не ела.

Столовая представляла собой мрачную комнату с низкими потолками. На длинных столах дымились котелки, распространявшие, к моему ужасу, совсем не аппетитный аромат. Я слышала, как вздох разочарования вырвался из груди тех, кому предстояло вкушать этой непривлекательной пищи. Высокие девушки из старшего класса произнесли громким шепотом: «Какая гадость! Овсянка снова подгорела!»

- Тишина! - раздался окрик.

Чуть не падая в обморок, я жадно набросилась на еду, но, проглотив пару ложек и утолив немного голод, я почувствовала омерзительный вкус этого варева: горелая овсянка – это такое же несъедобное блюдо, как гнилая картошка. Девочки работали ложками с неохотой, каждая пыталась глотать то, что оказывалось во рту, но сразу же отказываясь от своих попыток. Завтрак был окончен, а никто толком и не позавтракал.

До начала занятий оставалось еще пятнадцать минут, и классная комната наполнилась шумом голосов, потому что, очевидно, в это время разрешалось переговариваться вслух и с большей свободой. Разговор вертелся вокруг завтрака, которым были недовольны решительно все. Мисс Миллер находилась в комнате, и вокруг нее собралась группа старших учениц с серьезным и решительным выражением на лицах. Я слышала, как кто-то произнес имя мистера Брокльхерста, на что мисс Миллер неодобрительно покачала головой, но смирить всеобщее негодование она не спешила, так как, судя по всему, разделяла его.

Часы пробили девять, и мисс Миллер покинула маленький кружок и провозгласила: «Тишина! По местам!»

Привычка к дисциплине восторжествовала, и через пять минут разрозненная толпа несколько упорядочилась и затихла. Все преподаватели уже заняли свои места, но, казалось, все чего-то ждали. Я в недоумении стала оглядываться, но внезапно все одновременно поднялись с мест в едином порыве.

Что было тому причиной? Я не слышала никакого приказа и не понимала, в чем дело. Я размышляла над этим, а все уже опять сели на скамьи. Взгляды были устремлены в одну и ту же сторону, и, обратившись в том же направлении, я увидела даму, которая встретила меня вчера. Она стояла на пороге, печально и безмолвно рассматривая два ряда девочек.

- Старшая из первого класса, принеси глобусы, - сказала она.

Девушка отправилась выполнять команду, а дама медленно двинулась между рядами. Сейчас, при дневном свете, она показалась мне высокой, стройной и прекрасной. Это, как я позже выяснила, была мисс Темпл, Мария Темпл (я однажды увидела ее имя на молитвеннике, который мне было поручено отнести в церковь). Директриса Ловуда (а дама была не кем иным, как директрисой) собрала учениц старшего класса вокруг стола, на котором стояла пара глобусов, и начала вести урок географии. Затем последовали уроки чистописания и арифметики, а позже мисс Темпл учила музыке некоторых из старших учениц. Длительность каждого занятия отмерялась по часам. Наконец, они пробили двенадцать. Директриса поднялась с места.

- А теперь мне нужно кое-что сказать ученицам.

Нарастающий гул голосов, обычный для конца занятий, словно потонул в ее голосе. Она продолжила:

- Сегодня вам подали завтрак, который невозможно было есть, и вы, вероятно, голодны. Я распорядилась, чтобы вам принесли ланч, состоящий из хлеба и сыра.

Преподаватели взглянули на нее с легким удивлением.

– Под мою ответственность, – обратилась она к ним и незамедлительно вышла из комнаты.

Хлеб и сыр действительно вскоре принесли, что вызвало всеобщее удовольствие и оживление. Затем последовал приказ: «В сад». Ученицы надели соломенные шляпки и серые фризковые плащи. Меня одели так же, и толпа девочек вынесла меня на воздух.

Сад был обнесен такими высокими стенами, как будто их создатель хотел исключить любую возможность узнать, что находилось по другую их сторону. Пространство в середине сада было поделено на маленькие клумбы, где работали ученицы. У каждой из учениц была своя собственная клумба. Летом, усыпанные цветами, они должны были радовать глаз, но сейчас, в конце января, пятна коричневой мерзлой земли придавали саду унылый вид. Все девочки бросились играть и бегать, а я стояла, дрожа от холода, как вдруг услышала, как кто-то слабо кашлянул позади меня.

Я обернулась и увидела девочку, сидевшую на каменной скамье. Она склонилась над книгой, и, видимо, была погружена в чтение. Я смогла разглядеть название – «Расселас». Переворачивая страницу, она подняла взгляд, и я прямо спросила: «Интересная книга?» Я уже решила попросить дать мне ее почитать.

– Мне нравится, – произнесла она, потратив две или три секунды на то, чтобы внимательно изучить меня.

– О чем она? – продолжала я. Не знаю, откуда нашлась во мне храбрость, ведь я первая начала разговор с совершенно незнакомым человеком. Вероятно, доверие к ней во мне пробудило то, что в руках она держала книгу – я тоже любила читать. Я еще ни с кем не говорила здесь и искала дружеского участия.

– Можешь посмотреть, – ответила девочка, протягивая мне книгу.

На мой неискушенный вкус она показалась совсем скучной. Я вернула книгу, и девочка, не произнося ни слова, снова открыла ее. Она уже была готова обратиться к своему занятию, когда я опять отважилась побеспокоить ее.

– Не могла бы ты сказать мне, что означает надпись, вырезанная над входом, – «Ловудский приют»?

- Это то место, где ты сейчас живешь.

- Но почему оно называется приютом? Разве это не школа?

- Это благотворительная школа. И ты, и я, и остальные живут здесь на пожертвования. Ты, наверное, сирота. У тебя умерла мама или папа?

- Мои родители умерли, и я их уже не помню.

- Вот так и все здесь, это приют для обучения детей-сирот.

- Этот дом принадлежит той даме, которая накормила нас хлебом и сыром?

- Мисс Темпл? О, нет! Если бы это было так! Она должна отчитываться перед мистером Брокльхерстом во всем, что делает. Мистер Брокльхерст покупает нам еду и одежду.

- Он живет здесь?

- Нет, он живет в двух милях отсюда, в большой усадьбе.

- Он хороший человек?

- Он духовное лицо, и, говорят, известен своими добрыми делами.

- Ты сказала, что эту высокую даму зовут мисс Темпл?

- Да.

- А тебе нравятся другие преподаватели?

- Более или менее.

- Но мисс Темпл лучше их всех, правда?

– Мисс Темпл очень добрая и умная. Она стоит надо всеми здесь, потому что знает гораздо больше, чем они.

– Ты давно в Ловуде?

– Уже два года.

– Ты сирота?

– У меня умерла мама.

– Ты счастлива в школе?

– Ты задаешь слишком много вопросов, я уже достаточно отвечала, теперь я хочу почитать.

Глава 6

Следующий день начался так же, как и предыдущий: мы встали и оделись при свечах. Церемонию умывания пришлось отложить – вода в умывальниках замерзла. Накануне вечером погода изменилась, подул пронизывающий северо-восточный ветер, который всю ночь завывал в щелях окон, заставляя нас дрожать от холода в кроватях и превращая воду в кувшинах в лед. В тот день меня записали в четвертый класс, я начала посещать уроки и выполнять задания. Прежде я наблюдала жизнь Ловуда со стороны, теперь же я стала непосредственной участницей происходящего здесь. Уроки казались мне долгими и скучными, постоянное заучивание наизусть – утомительным. В первый день я почувствовала облегчение, когда около трех часов пополудни мисс Смит вручила мне полоску муслиновой ткани в два ярда длиной, нитку, наперсток и посадила в угол, наказав подрубить кисею.

В этот час большинство девочек занималось рукоделием, только один класс стоял вокруг мисс Скетчерд. Была полная тишина, и я могла слышать, как отвечает каждая из них. Был урок английской истории, и среди девочек я заметила мою вчерашнюю знакомую. В начале занятия она занимала первое

место среди учениц своего класса, но за ошибку в произношении или невнимание к паузам ее отправили в самый конец. Но даже после того, как она скрылась за спинами других учениц, мисс Скетчерд продолжала постоянно обращаться к ней с замечаниями: «Бернс» (видимо, так ее звали; здесь называли учениц по фамилии, как в школах для мальчиков), «Бернс, почему ты подворачиваешь ноги, немедленно раздвинь носки», «Бернс, опять ты выпятила подбородок, это некрасиво», «Бернс, я требую, чтобы ты держала голову прямо; я не потерплю, чтобы передо мной стояли в такой позе» и так далее.

Главу прочитали дважды, книги были закрыты, затем последовала проверка. Глава включала в себя историю правления Карла I, и часть вопросов касалась размера разнообразных налогов и пошлин. Казалось, на них просто невозможно дать точный ответ, но, когда очередь доходила до Бернс, она с легкостью доказывала обратное. Она не упустила ни единой строчки из прочитанной главы и готова была изложить ее всю целиком. Я была уверена, что мисс Скетчерд похвалит ее за прилежание, но вместо этого она неожиданно воскликнула: «Ты, непослушная грязнуля! Так и не вычистила ногтей сегодня утром!»

Бернс не произнесла ни звука в ответ, и я поразились ее молчанию.

Мисс Скетчерд приказала что-то, я не расслышала что именно, и Бернс сразу же вышла из класса. Через минуту она возвратилась из маленькой комнаты, где хранились книги, со связкой розог в руках. Это грозное орудие она вручила мисс Скетчерд с почтительным реверансом. Затем покорно, не дожидаясь указаний, развязала передник, после чего учительница сразу же нанесла с дюжину хлестких ударов по шее.

Я вздрагивала при каждом ударе. На глазах Бернс не выступило ни слезинки, а на лице застыло все то же печальное выражение.

– Непослушная девчонка! – воскликнула мисс Скетчерд. – Ничто не может отучить тебя от твоих неряшливых привычек. Унеси розги.

Бернс подчинилась. Я наблюдала краем глаза, как она выходит из чулана, но глаза ее были совершенно сухими.

В этот вечер я, как обычно, бродила между столами, за которыми собирались компании смеющихся девочек. У меня не было подруги, но я совершенно не

чувствовала себя одинокой. Проходя мимо окна, я время от времени приподнимала штору и смотрела на падающий за окном снег. В нижней части окон начинали скапливаться небольшие сугробы, и, приложив ухо к стеклу, я могла различить безутешные стоны ветра, смешивающиеся со звуками шумной болтовни в зале.

Перепрыгивая через скамьи и пролезая под столами, я добралась до одного из каминов. Перед решеткой на коленях стояла Бернс, отстраненная от всего окружающего ее, сосредоточенная и молчаливая.

- Твоя фамилия Бернс, а как твое имя? - спросила я.

Она подняла на меня удивленный взгляд.

- Хелен, - ответила она.

- Наверное, ты хотела бы уехать из Ловуда? - Я села перед камином возле нее.

- Нет! Почему ты так думаешь? Меня отправили в школу, чтобы я получила образование.

- Но мисс Скетчерд так жестока с тобой!

- Жестока? Нисколько! Она строга, потому что я все время делаю ошибки.

Я уставилась на нее, искренне недоумевая.

- На твоём месте я бы возненавидела ее. Если бы она посмела ударить меня этой розгой, я бы разломала ее прямо в классе.

На ее щеках как будто выступил румянец, но, наверное, это отблеск огня упал на лицо.

- Я не против, - сказала она.

- Не против порки? - воскликнула я в ужасе.

Я увидела, как она машинально коснулась кончиками пальцев следов на шее. Она поморщилась, но мне показалось, что я заметила, как ее рот на мгновение исказила странная кривая усмешка.

– Это не так уж больно, – произнесла она.

Я представила длинные упругие прутья, с тонким свистом рассекающие воздух и оставляющие следы на коже.

– А я думаю, больно.

– Не больно, если думать о другом, – прошептала Хелен.

Внезапно я вспомнила свою драку с Джоном Ридом. Он набросился на меня, но в моем воображении на его месте был мой темноглазый возлюбленный, заключающий меня в страстные объятия. Настала моя очередь скрывать вспыхнувший румянец в отблесках пламени, бушующего в камине. Я подумала: а что если он будет обращаться со мной так же жестоко? По телу прошла дрожь. Однажды Джон схватил меня за волосы, когда мы занимались любовью. Я вскрикнула, но почувствовала, как к острой боли примешивается ощущение сладостного жара во всем теле. Возможно, Хелен имела в виду именно это. Я все еще пылала жаждой мести к Джону Риду, но мне, одинокой и покинутой здесь, не хватало нежного прикосновения.

– Ты говоришь, что делаешь ошибки? – начала я, чтобы сменить тему разговора. – Мне, напротив, показалось, что ты очень хорошо себя ведешь.

– Хочу тебя предостеречь – не суди по первому впечатлению. Как говорит мисс Скетчерд, я очень неряшлива. Легко представить, как это неприятно мисс Скетчерд, ведь она всегда опрятна и пунктуальна до мелочей.

– А еще она несправедлива и жестока, – добавила я, но Хелен не захотела согласиться со мной.

– Нужно уметь полюбить врага. Благословить того, кто проклинает тебя, – сказала она. – Делать добро тем, кто ненавидит тебя и творит несправедливость.

Я вздохнула.

– Тогда я должна полюбить миссис Рид, чего я не смогу сделать, и благословить ее сына, что совершенно невозможно!

В свою очередь Хелен попросила меня объяснить, что я имею в виду, и я изложила ей всю историю своих обид и злоключений (умолчав, конечно же, про свои отношения с Джоном).

Хелен терпеливо слушала меня. Я ожидала от нее комментария, но она молчала.

– Ну же, – нетерпеливо произнесла я, – неужели миссис Рид не кажется тебе черствой, злой женщиной?

– Она была сурова с тобой, потому что ей был неприятен твой склад характера, так же, как мисс Скетчерд неприятны мои привычки. Но в каких подробностях ты помнишь все, что она говорила тебе и совершила по отношению к тебе! Странно, что несправедливость оставила такой глубокий отпечаток в твоём сердце. Тебе стало бы легче, если бы ты попыталась забыть ее жестокость и похоронить бурные чувства, которые она вызывала в тебе.

В это мгновение к нам подошла одна из старших учениц и произнесла с отчетливым кемберлендским акцентом:

– Хелен Бернс, если ты сейчас же не приведешь в порядок свой ящик и не сложишь аккуратно шитье, я приглашу мисс Скетчерд, чтобы она взглянула на это.

Хелен вздохнула, поднялась с места и подчинилась приказу, не тратя времени на возражения.

Глава 7

Весь январь, февраль и часть марта мы вынуждены были ограничиваться пребыванием в саду, обнесенном каменными стенами, за исключением того

времени, когда полагалось ходить в церковь. Наша одежда не спасала от лютого холода, а поскольку сапог нам не полагалось, снег проникал в ботинки и таял. Руки без перчаток немели и опухали на морозе. Я помню болезненное раздражение, от которого я страдала каждый вечер, отогревая ноги возле огня, и мучения, которые мне причиняла необходимость каждое утро всовывать одеревеневшие, покрытые язвами пальцы в ботинки.

Скудость пищи не облегчала нашего положения. У подрастающих детей хороший аппетит, а того, чем нас кормили, едва бы хватило, чтобы утолить голод слабого умирающего. Недостаток еды приводил к тому, что изголодавшиеся старшие девушки отнимали еду у младших. Когда представлялась возможность, они, уговаривая или угрожая, заставляли отдавать им свою порцию. Много раз мне приходилось делить между двумя претендентками маленькую корочку черного хлеба, которую давали в пять часов. И, отдав третьей добрую половину своего кофе, я торопливо глотала остатки, стараясь скрыть слезы, вызванные голодом.

Воскресенья не приносили радости, особенно зимой. Нам приходилось идти пешком за две мили в церковь в Брокльбридже, где служил наш покровитель. Мы ежились от холода, едва выйдя за ворота, до церкви мы добирались совсем окоченев, а к концу службы мороз окончательно сковывал наши члены. Возвращаться ради обеда в школу было бы слишком далеко. Дорога, по которой мы шли с вечерней службы, шла по гребню холма и была открыта пронизывающему зимнему ветру, который дул с заснеженных вершин севера и резкими порывами стегал нас по лицу.

С каким нетерпением мы ждали возвращения домой, к пылающему очагу, обещавшему свет и тепло! Но младшим девочкам и это удовольствие было недоступно. Старшие мгновенно окружали в два ряда оба камина в классной комнате, а остальным оставалось жаться небольшими группками позади, стараясь согреть озябшие руки в складках передника.

Некоторое утешение ждало нас в пять часов, когда вместо половины от одного куска хлеба нам давали по целому куску, намазав его в качестве дополнительного угощения едва заметным слоем масла. Этого еженедельного послабления мы ждали с нетерпением от воскресенья к воскресенью.

Я еще не упомянула о посещениях мистера Брокльхерста. По правде говоря, мы не имели честь видеть этого джентльмена в течение почти всего моего первого

месяца в школе. Наверное, он решил продлить время своего пребывания в доме своего друга викария. Как бы то ни было, его отсутствие было облегчением для меня. Не стоит и говорить, что у меня были причины с трепетом ожидать его возвращения, и вот этот день настал.

Однажды днем (шла третья неделя с тех пор, как я приехала в Ловуд) я сидела с доской в руках, задумавшись над примером на деление, как вдруг, в рассеянности подняв взгляд, заметила мужской силуэт, мелькнувший в окне. Что-то подсказало мне, кому принадлежит эта сухопарая фигура, и, когда ученицы и преподаватели резко поднялись с мест, мне не нужно было даже поднимать голову, чтобы определить, к кому обращено это приветствие. В комнате раздались долгие глухие шаги, и прямо за спиной мисс Темпл вырос тот самый человек, который мрачно взирал на меня с каминного коврика в Гейтсхеде.

У меня были свои причины бояться его появления. Слишком свежи были воспоминания о вероломных намеках, которые бросала миссис Рид, и непреклонном намерении мистера Брокльхерста просветить мисс Темпл и других учительниц относительно моих порочных наклонностей. Все это время я со страхом думала о том, что он полон решимости исполнить обещание, проинформировав всех о моем сомнительном прошлом и навеки заклеивив меня. И вот он здесь.

Мистер Брокльхерст стоял подле мисс Темпл и что-то шептал ей на ухо. Я не сомневалась, что он занимался разоблачением моих злодеяний, и в болезненном нетерпении ждала, что она обратит ко мне взгляд своих темных глаз с выражением ужаса и отвращения на лице. Я прислушалась, и, поскольку я сидела одной из первых в ряду учениц, мне удалось уловить большую часть того, что он говорил. Мои мрачные предчувствия немного рассеялись.

– Прачка сообщила мне, что некоторым девочкам переменили воротнички дважды за эту неделю. Это слишком. По правилам им полагается один воротничок.

– Позвольте мне объяснить, сэр, – произнесла в ответ мисс Темпл. – Агнес и Кэтрин Джонстон были приглашены на чашку чая к своим друзьям в Лоутон в прошлый четверг, и я распорядилась выдать им чистые воротнички соответственно случаю.

– Ну что ж, если это больше не повторится, я не имею ничего против. Но было еще одно обстоятельство, повергшее меня в недоумение. Просматривая счета, полученные от экономки, я обнаружил, что дважды за прошедшие две недели ученицы получили по дополнительной порции хлеба и сыра на завтрак. Как вы это объясните? Я заглянул в правила – там не упоминается о том, что у нас в школе предполагается второй завтрак. Кто является автором этого нововведения? И на каких основаниях?

– Должна сказать, что это было сделано по моему распоряжению, сэ, – отвечала мисс Темпл. – Завтрак был так плохо приготовлен, что ученицы не смогли его есть, и я не решилась подвергать их мукам голода до самого обеда.

– Мадам, позвольте мне возразить. Вам прекрасно известно, что привычка к попустительству и роскоши не входит в число добродетелей, которые должна возвращать наша школа. Мы намерены воспитать своих учениц мужественными, терпеливыми, способными на самоотречение. Небольшое препятствие в виде невкусного завтрака? Не беда! Им все равно следует его съесть.

Мистер Брокльхерст сделал паузу, очевидно, не в силах совладать с охватившим его негодованием. Мисс Темпл было опустила голову, когда он начал говорить; теперь же она смотрела прямо перед собой, ее лицо стало похоже на каменную маску. Мистер Брокльхерст, остановившись возле камина и заложив руки за спину, обзирал учениц школы. Внезапно его веки дрогнули, как будто что-то попало в глаз. Обернувшись, в возбуждении, которого сложно было ожидать от него, он резко произнес:

– Мисс Темпл! Мисс Темпл! Что здесь делает эта девочка – вот эта, с кудрявыми волосами? Только посмотрите, сударыня, рыжие волосы – и все покрыты завитушками? – Он ткнул тростью, которая дрожала в его руке, в сторону этого «ужасного существа».

– Ее зовут Джулия Северн, – очень тихо ответила мисс Темпл.

– Джулия Северн, сударыня! И почему она или кто бы то ни было еще, по-вашему, позволяет себе иметь вьющиеся волосы? Почему, не уважая законы этого дома, она дерзко заявляет о своей принадлежности ко всему мирскому? И где? Здесь, в этом благотворительном учреждении, основанном на принципах Священного Писания! Выставляет на всеобщее обозрение эту копну

возмутительных кудряшек?

– Волосы Джулии вьются от природы, – еще тише возразила мисс Темпл.

– От природы?! Но мы не должны следовать природным законам. Я хочу, чтобы эти девочки были дочерьми самой Добродетели, а они предаются излишествам! Я раз за разом напоминаю вам о том, что волосы должны быть зачесаны гладко, прилично. Мисс Темпл, этой девочке следует отрезать волосы. Завтра я пришлю парикмахера. Я вижу, что другие тоже не избежали этого искушения. Вот та, высокая, прикажите ей повернуться. Прикажите всему первому классу встать и повернуться лицом к стене.

Мисс Темпл провела платком по губам, как будто хотела изгладить всякий признак улыбки, невольно исказившей их, и отдала приказ.

Немного отклонившись назад на своей скамье, я могла видеть гримасы и недовольные взгляды, ставшие ответом на этот выпад. Я пожалела, что мистер Брокльхерст не видел их лиц, потому что в противном случае он, возможно, ощутил бы, что как ни подавлял он все внешнее, поверхностное, внутренний мир девочек был ему недоступен.

Несколько минут он внимательно разглядывал оборотную сторону этих живых «медалей», и затем вынес приговор, прозвучавший, как звон похоронного колокола: «Все эти пучки нужно состричь».

Мисс Темпл, казалось, хотела возразить.

– Мадам, – прервал он ее, – доброта Господа, которому я служу, выходит за пределы нашего разума. Мое призвание – искоренить в этих девочках всякий зов плоти и научить их одеваться скромно и добродетельно, а не вплетать ленты в косы или наряжаться в дорогие одежды.

Слова «зов плоти» отозвались во мне жгучей болью. Я старалась представить себе наказание, на которое обречет меня мистер Брокльхерст, если узнает о моем прошлом. К счастью, он отнюдь не был пророком.

– Каждая из этих молодых особ перед нами носит косы, которые, вероятно, были заплетены самим тщеславием. Повторюсь, вы должны их отрезать. Подумайте только, сколько времени было потрачено, сколько...

Речь мистера Брокльхерста была прервана приходом трех дам. Им следовало бы прийти немного раньше, чтобы услышать его проповедь относительно нарядов, потому что сами они были облачены в бархат, шелк и меха. На двух юных барышнях (миловидных девушках лет шестнадцати и семнадцати) красовались серые бобровые шапочки, украшенные страусовыми перьями, из-под которых струился поток светлых, искусно завитых волос. Старшая дама куталась в роскошную бархатную шаль, отделанную горностаем, и на лбу у нее были фальшивые локоны.

Мисс Темпл почтительно приветствовала вошедших дам, оказавшихся миссис и мисс Брокльхерст, и усадила их на почетные места. Очевидно, они прибыли со своим многоуважаемым супругом и родителем и все это время занимались скрупулезным осмотром верхних комнат, пока он разбирал счета с экономкой, допрашивал прачку и делал наставления директрисе. Теперь комментарии и упреки пришлось выслушать мисс Смит, которая отвечала за постельное белье и спальни, но у меня уже не было охоты слушать, потому что другие, более насущные проблемы отвлекли мое внимание.

Все это время, краем уха следя за разговором мистера Брокльхерста и мисс Темпл, я одновременно принимала меры к тому, чтобы остаться незамеченной. Я отодвинулась глубоко назад на скамье и, притворяясь занятой решением примера, старалась держать доску так, чтобы она закрывала мое лицо. Наверное, мне бы удалось избежать внимания мистера Брокльхерста, если бы доска предательским образом не выскользнула у меня из рук, ударившись об пол с ужасающим грохотом. Все взоры мгновенно обратились на меня. Наклонившись, чтобы подобрать две части расколовшейся доски, я приготовилась к худшему исходу. Он не заставил себя долго ждать.

– Беспечная девчонка! – воскликнул мистер Брокльхерст. – Это новая ученица, я полагаю. – И, не успела я перевести дыхание, как он продолжил: – У меня есть несколько замечаний на ее счет. Пусть та, что разбила доску, подойдет.

У меня не осталось сил, чтобы подняться. Я не могла пошевелиться. Две старшие девочки, сидевшие по обе стороны от меня, помогли мне встать и подтолкнули вперед, к грозному судье. Мисс Темпл мягко поставила меня прямо перед ним, и

я расслышала ее ласковый шепот: «Не бойся, Джейн. Ты не нарочно, я видела, тебя не накажут». Эти добрые слова вонзились в мое сердце, как кинжал. «Через минуту она уже будет презирать меня за лицемерие», – подумала я. Внезапно меня охватила ярость, заставившая пульс забиться быстрее, – ярость против разных Ридов, Брокльхерстов и иже с ними. Я не Хелен Бернс. Я сопротивляюсь, когда меня бьют.

– Подайте стул, – сказал мистер Брокльхерст, указав на высокий табурет, с которого поднялась одна из старших учениц. Стул принесли.

– Поставьте на него девочку.

Кто-то поставил меня на табурет, я не помню, кто это сделал. Я была неспособна обращать внимание на детали. Я отметила только, что оказалась на уровне носа мистера Брокльхерста – он стоял в ярде от меня.

– Дамы, – произнес он, обращаясь к супруге и дочерям, – мисс Темпл, учительницы, дети. Хорошо ли вы видите эту девочку?

Конечно, хорошо! Я чувствовала, что их взгляды, как пропущенные через увеличительное стекло лучи, оставляют ожоги на моей коже.

– Этот печальный случай наводит на размышления. Я считаю своим долгом предупредить вас, что эта девочка – не смиренная овца в стаде Господа, а злоумышленник, проникнувший туда обманом. Вы должны быть начеку. Вы должны остерегаться пути, по которому пошла она, и, насколько это возможно, избегать ее общества. Не играть с ней в одни игры и не вступать в разговор. Учителя, вам следует следить за каждым ее шагом и тщательно взвешивать ее слова; наказывать ее тело, чтобы спасти душу. Потому что эта девочка – лгунья!

За этим последовала пауза длиной в десять минут, которых мне хватило, чтобы овладеть собой и увидеть, как вся женская половина семейства Брокльхерст достает носовые платки и наводит на меня свои лорнеты, при этом старшая дама непрерывно качала головой, а младшие шептали: «Какой кошмар!»

Мистер Брокльхерст приступил к финальной части своей речи.

– Все это стало мне известно благодаря ее покровительнице. Щедрость и доброта праведной и милосердной дамы, которая приняла девочку в свою семью, когда та осталась сиротой, и растила ее, как собственное дитя, была вознаграждена такой черной неблагодарностью, что достойная благодетельница вынуждена была оградить своих родных детей от присутствия этой девочки.

И, завершив свою блестящую проповедь, мистер Брокльхерст застегнул верхнюю пуговицу своего одеяния, сказал что-то своим дамам, поклонился мисс Темпл, и, наконец, все добродетельное семейство величаво прошествовало через всю комнату к выходу. В дверях мой строгий судья обернулся.

– Пусть стоит на стуле еще полчаса, – сказал он. – Никто не должен разговаривать с ней до конца дня.

Я так и осталась стоять, вознесенная на вершину своего гордого одиночества. Я, которой не хватало мужества выйти у всех на виду в центр комнаты, была выставлена на всеобщее обозрение на пьедестале бесчестия и позора. Нет в мире слов достаточно сильных, чтобы описать мои чувства в тот момент. Но когда я подумала, что сейчас задохнусь от стыда, мимо прошла Хелен Бернс и на мгновение подняла глаза на меня.

Какой вдохновенный свет сиял в этих глазах! Какое непередаваемое ощущение охватило меня, когда я заглянула в них! Какая сила наполнила все мое существо!

Хелен спросила что-то о своей работе у мисс Смит, получив нагоняй за незначительность вопроса, и вернулась на свое место, снова пройдя мимо меня и на этот раз одарив меня улыбкой. Эта восхитительная улыбка озарила ее необычное тонкое лицо, и мне показалось, что в глубоко запавших серых глазах ее я увидела отблеск ангельской доброты.

Пробило пять часов, занятия были окончены, и все проследовали в столовую к чаю. Я имела смелость покинуть свой пьедестал. Стояли глубокие сумерки, и, забившись в угол комнаты, я опустилась на пол. Волшебное действие, которое на меня оказала поддержка Хелен, начало рассеиваться, и я, почувствовав, что меня переполняет отчаяние, бросилась на пол лицом вниз, содрогаясь от рыданий.

Хелен Бернс не было в комнате, и никто не мог помочь мне. Я дала волю слезам, падавшим на деревянные доски пола. Я искренне хотела хорошо вести себя, многого добиться в Ловуде, приобрести друзей, завоевать уважение и любовь. Я уже делала кое-какие успехи, в то утро я стояла во главе класса и мисс Миллер ласково похвалила меня. Мисс Темпл наградила меня одобрительной улыбкой и пообещала, что, если я в течение следующих двух месяцев буду продолжать хорошо заниматься, я смогу приступить к занятиям рисованием и французским языком под ее началом. А сейчас я вынуждена собирать осколки всех этих радужных надежд. Удастся ли мне когда-нибудь оправдаться?

«Никогда», – сказала я себе и страстно пожелала умереть. Прерывающимся от рыданий голосом я шептала эти слова, как вдруг кто-то подошел ко мне. Я подняла голову и снова увидела Хелен Бернс. Она была едва различима в этой пустой огромной комнате, слабо освещенной угасающим пламенем камина. Она принесла мне хлеба и кофе.

– Ну же, поешь что-нибудь, – сказала она, но я отодвинула от себя еду. Мне казалось, что малейшая крошка пищи или глоток жидкости встанут у меня поперек горла навечно. Хелен внимательно смотрела на меня с легким оттенком удивления, и, как я ни старалась, я не могла сдерживать своего смятения. Я снова зарыдала. Она села на пол возле меня, обняла руками колени, положила на них голову и сидела так, не произнося ни слова. Я заговорила первой.

– Хелен, почему ты пришла к девочке, которую все считают лгуньей?

– Мистер Брокльхерст не заслуживает уважения. Его здесь не любят, да он и не делает ничего, за что его можно было бы полюбить. Если бы он выделил тебя как свою любимицу, ты приобрела бы много врагов, но в твоём нынешнем положении многие предложили бы тебе свою дружбу, осмелюсь они это сделать. Возможно, учителя и ученицы будут обходить тебя стороной день или два, но в глубине души все питают к тебе добрые чувства.

Мне было все равно. Я почти не старалась вникнуть в смысл того, что говорила Хелен – в таком отчаянии я пребывала. Я могла думать только о своем одиноком существовании, не согретом никакими привязанностями.

– Если никто не полюбит меня, я лучше умру, – всхлипывала я. – Я хочу, чтобы меня полюбили, ради этого я готова сломать руку, встать на пути у разъяренного быка, пусть даже лошадь проломит мне грудь копытом, пусть...

– Тише, Джейн! Ты переоцениваешь человеческую привязанность.

Возможно, это было правдой. Я просыпалась с мыслью о моем темноглазом возлюбленном. Я тосковала о любви, которую он воплощал в моих мечтах, и наслаждалась горячей волной желания, которая пробегала по моему телу в те минуты, которые целиком были заняты им. Я вряд ли сознавала, что он занимает слишком большое место в моих мыслях, но людям, страдающим от одиночества, а ведь одиночество было уделом моего детства, свойственно жаждать любви, этой главной человеческой потребности. Кроме того, Хелен Бернс сама призналась мне, что думает совсем о других вещах, когда ее секут. Я покраснела, вспомнив об этом. Наверное, она думала о чем-то хорошем, о доме, своей семье, которая была у нее когда-то, а не представляла себе, как ее бьет жестокий любовник.

Опустив голову на плечо Хелен, я обвила ее руками. Она прижала меня к себе, и мы застыли так, не произнося ни слова. Спустя несколько минут в комнату вошла мисс Темпл.

– Ты-то мне и нужна, Джейн Эйр, – сказала она. – Пройди, пожалуйста, ко мне в комнату. Если уж и Хелен Бернс здесь, пусть идет с нами.

По запутанным коридорам и темным лестницам мы прошли за директрисой в ее комнату, которая была ярко освещена огнем камина и выглядела уютной. Пригласив Хелен Бернс сесть в низкое кресло, стоящее под одну сторону камина, она села по другую и подозвала меня к себе.

– Все, слезы закончились? – спросила она меня. – А с ними должна была утихнуть твоя обида.

– Я боюсь, обида никогда не утихнет, – ответила я.

- Почему?

- Потому что меня ложно обвинили. И вы, мэм, и все остальные, теперь будете думать, что я плохая.

- Мы будем думать о тебе то, что ты докажешь нам своими делами. Продолжай быть хорошей девочкой, и нам будет этого достаточно. Ну же, а теперь расскажи, что это за дама, которую мистер Брокльхерст назвал твоей благодетельницей.

- Миссис Рид, жена моего дяди. Он умер и оставил меня на ее попечении.

- То есть она приняла тебя не по своему собственному желанию?

- Нет, мэм. Ей не хотелось этого. Но когда мой дядя умирал, он взял с нее обещание, что она будет воспитывать меня у себя.

- Так вот теперь, Джейн, ты знаешь, или, по крайней мере, я сообщаю тебе об этом сейчас, что любой, кого обвиняют в преступлении, имеет шанс говорить в свою защиту. Тебе вменяют в вину ложь; так говори же, чтобы оправдаться передо мной. Ты можешь рассказать все, что подсказывает тебе память, не преувеличивай только и ничего не добавляй от себя.

Я приняла решение быть как можно более скромной, бесстрастной и, попросив несколько минут, чтобы составить связный рассказ, поведала о своем печальном детстве. Обессиленная переживаниями, я была более сдержанна, чем обычно, когда кто-нибудь затрагивал эту неприятную для меня тему, и, помня о предостережениях Хелен насчет того, что не следует возвращать в себе чувство обиды, взяла тон гораздо менее желчный и горький, чем обычно. Надо сказать, что так моя история выглядела более правдоподобной. По мере того, как я говорила, во мне росла уверенность в том, что мисс Темпл верит мне.

Когда я закончила, она молчала в течение нескольких минут, а затем произнесла:

- Я немного знакома с аптекарем мистером Ллойдом, я напишу ему. Если его ответ будет совпадать с тем, что ты рассказала - я имею в виду происшествие в

красной комнате – ты будешь при всех освобождена от всяких подозрений. В моих глазах ты свободна от них уже сейчас.

Она поцеловала меня и, все еще не отпуская от себя, обратилась к Хелен Бернс.

– Как ты чувствуешь себя сегодня, Хелен? Много ли ты кашляла?

– Не так уж сильно, мэм.

– А боли в груди?

– Немного лучше.

Мисс Темпл встала, взяла ее за руку, измерила пульс, а затем вернулась на свое место. Я услышала ее тихий вздох. Она сидела в задумчивости некоторое время, затем, взяв себя в руки, весело произнесла:

– Сегодня вы мои гости, и мне нужно вести себя соответствующе.

Она позвонила в колокольчик.

– Барбара, – обратилась она к вошедшей служанке. – Сегодня я еще не пила чай, принеси поднос, да не забудь две чашки для этих юных леди.

Скоро все было выполнено. Как приятно было смотреть на фарфоровые чашки и пестро раскрашенный чайник на маленьком круглом столике возле камина! Каким душистым был напиток, и как вкусно пахли тосты!

– Барбара, – сказала мисс Темпл. – Ты не могла бы принести еще хлеба и масла, этого недостаточно для троих.

Барбара вышла, но вскоре вернулась.

– Мэм, миссис Харден говорит, что она отмерила все в обычном количестве.

Надо сказать, что миссис Харден была экономка. Она приходилась особенно по душе мистеру Брокльхерсту, поскольку целиком состояла из китового уса и железа.

– Очень хорошо! – ответила мисс Темпл. – Тогда, я полагаю, мы обойдемся этим, Барбара.

И, когда служанка удалилась, добавила с улыбкой:

– К счастью, исправить это упущение все еще в моих силах.

Пригласив нас с Хелен к столику с чашками чая с великолепно вкусными, но не очень большими кусочками тоста, она поднялась с места, открыла шкафчик и достала оттуда сверток. Освобожденный от бумаги, на наших глазах он превратился в большой кусок пирога.

– Я собиралась дать по куску каждой из вас с собой, – сказала она. – Но поскольку здесь так мало тостов, придется угостить вас сейчас.

Она принялась нарезать пирог щедрыми ломтями. Это маленькое чаепитие казалось мне достойным богов; и не меньшее удовольствие доставляла нам ласковая улыбка хозяйки, с которой она наблюдала, как мы утоляем голод изысканным угощением, предложенным ею.

Чай был выпит, поднос унесен, и мы снова собрались вокруг камина, сев по обе стороны от нее. Теперь она повела беседу с Хелен, и я чувствовала, что должна быть благодарной за то, что мне довелось присутствовать при ней. Они говорили о вещах, о которых я никогда раньше не слышала; о народах и давно ушедших временах; о дальних странах; о тайнах природы, проникнуть в которые стремится человек. Они говорили о книгах! О, как много они прочитали! Какими знаниями обладали! Они, казалось, с легкостью разбирались во французских названиях и французских авторах, но каково было мое удивление, когда мисс Темпл спросила Хелен, не удастся ли ей в редкие минуты свободного времени заниматься латинским, которому обучал ее отец, и, достав с полки книгу, попросила ее прочесть и перевести страницу из Вергилия. Едва она закончила, прозвенел звонок, призывающий нас ко сну, и медлить было бы недопустимым. Мисс Темпл обняла нас обеих.

– Да благословит вас Бог, дети мои! – произнесла она.

Хелен она задержала в своих объятиях на мгновение дольше, чем меня, и отпустила ее с большим сожалением. Она проводила нас взглядом, когда мы выходили из комнаты, и я догадывалась, что именно Хелен предназначался второй грустный вздох и слеза, которую она отерла со своей щеки.

Добравшись до спальни, мы услышали голос мисс Скетчерд, которая проверяла ящики девочек. В то мгновение, когда мы вошли, она как раз открыла ящик Хелен Бернс. Хелен была встречена резким выговором и обещанием прикрепить ей на спину с полдюжины неаккуратно сложенных предметов из ее ящика.

– Действительно, мои вещи в ужасном беспорядке, – прошептала мне Хелен. – Я собиралась сложить их, но забыла.

На следующее утро мисс Скетчерд написала крупными буквами слово «неряха» на куске картона и увенчала им широкий, умный лоб Хелен. Она носила его до самого вечера, смиренная и терпеливая, уверенная в справедливости наказания. Как только мисс Скетчерд удалилась, закончив вечерний урок, я подскочила к Хелен, сорвала листок и бросила его в огонь. Гнев, на который была неспособна моя подруга, весь день тлел в моей душе, а крупные горячие слезы обжигали щеки; ее покорность отзывалась невыносимой болью в моем сердце.

Спустя примерно неделю после описанных выше событий мисс Темпл получила ответ от мистера Ллойда, который свидетельствовал в мою пользу. Мисс Темпл перед всей школой объявила, что касательно обвинений, выдвинутых против Джейн Эйр, был сделан соответствующий запрос и что она рада, согласно результатам этого запроса, полностью восстановить мою запятнанную репутацию. Затем каждая учительница пожала мне руку и наградила поцелуем, а по рядам учениц пробежал одобрительный гул.

Свободная от тяжкого бремени, я начала жизнь с чистого листа, полная решимости прокладывать себе путь вопреки любым трудностям. Через несколько недель меня перевели в старший класс, а почти через два месяца разрешили приступить к занятиям французским и рисованием. Наступил день, когда я выучила два времени глагола *etre* и нарисовала свой первый дом (хотя, надо сказать, он рискованным наклоном своих стен превосходил Пизанскую башню). В тот вечер, ложась в постель, я забыла представить себе моего

темноглазого возлюбленного, что обычно помогало мне утолять мои тайные желания. Вместо этого передо мной в темноте проплывала череда прекрасных произведений искусства. Я также размышляла, смогу ли когда-нибудь перевести небольшой французский рассказ, который днем показала мне мадам Пьеро. Так, стремления моей молодой плоти были вытеснены жаждой знаний, и, очень довольная этим, я крепко уснула.

Глава 9

Лишения, или, скорее, тяготы, жизни в Ловуде становились все менее ощутимы. Мороз был не таким лютым, снега таяли, пронизывающие ветры дули все тише, и, наконец, пришла весна. В период январских холодов каждый шаг причинял мне нестерпимую боль, но с приходом теплого апреля раны на опухших ногах начали заживать. Кровь больше не стыла в жилах по утрам и вечерам. Сквозь палую листву пробивались первые цветы – подснежники, крокусы, сиреневые примулы и золотистые анютины глазки. По четвергам, когда занятия заканчивались раньше, мы выходили прогуляться за ограду и находили по бокам дороги еще более прелестные цветы, растущие вдоль изгороди.

За апрелем последовал безоблачный май. Ранняя густая зелень купалась в лучах безмятежного солнца и мягких дуновениях западных или южных ветров. Ловуд стряхнул с себя строгие одежды зимы и зацвел яркими красками. Голые черные ветви ясеня, вязов и дубов теперь словно обрели новую жизнь. Лесная растительность стремительно заполняла овраги, а бесчисленные мхи и лишайники покрывали стены расщелин. Всем этим великолепием я наслаждалась в полной мере, пользуясь почти ничем не ограниченной свободой. Никто не следил за мной, я почти всегда была одна. Неужели не соблазнителен описанный мною прелестный уголок на склонах лесистых холмов, на берегах реки? Он приятен глазу, но, вероятно, не слишком полезен для здоровья.

Лесной край, где располагался Ловуд, был колыбелью туманов и губительных болезней. Весна стремительно вступала в свои права, а вместе с ней в приют бедных сирот проникли ядовитые пары, принесшие с собой эпидемию тифа в многолюдные тесные комнаты школы. Полуголодное существование и холод, с которым никто не помогал нам бороться, привели к тому, что многие девочки оказались неспособны сопротивляться инфекции. Сорок пять из восьмидесяти

учениц слегли одновременно. Ход занятий нарушился, за соблюдением правил уже никто не следил. Внимание мисс Темпл было целиком поглощено больными. Она почти не выходила из палаты, за исключением нескольких часов, когда ей удавалось поспать. Учительницы помогали укладывать вещи и делать другие приготовления к отъезду тем девочкам, которым повезло иметь друзей или родственников, имевшим возможность и желание увезти их из школы, этого рассадника заразы. Многие из них были уже больны и ехали домой умирать. Некоторые умерли в школе, и были похоронены быстро и без пышных церемоний, ведь отсрочка грозила гибелью остальным.

Я и те, кого недуг обошел стороной, в полной мере наслаждались красотами пейзажа и прелестями весны. Нам позволялось гулять по лесу, как бродягам, с утра и до поздней ночи, мы делали, что хотели, и шли, куда хотели. Мистер Брокльхерст и его семейство не показывались больше в Ловуде, некому теперь было надзирать за тем, как содержится школа. Суровая экономка уехала, спасаясь от инфекции, а та, что приехала ей на замену (она заведовала раньше лазаретом Лоутона), была значительно щедрее. Когда не хватало времени на то, чтобы приготовить обед, а это случалось довольно часто, она давала нам по куску холодного пирога или щедрому ломтю хлеба с сыром и отпускала в лес, где мы пировали на свободе, выбрав укромный уголок – каждая себе по вкусу.

Но где же была Хелен Бернс в это время? Почему я не проводила эти сладкие часы свободы вместе с ней? Неужели я могла забыть ее? Или настолько очерствела душой, что мне наскучило ее скромное общество? Этого никогда не могло бы случиться! Хелен была одной из многочисленных больных. На несколько недель я была лишена возможности видеть свою подругу, потому что ее переместили в одну из комнат наверху. Она находилась не в той части школы, которая была отведена под госпиталь, потому что была больна не тифом, а чахоткой. Чахотку, в силу собственного невежества, я принимала за какое-то легкое недомогание, которое время и заботливый уход в скором времени должны были излечить.

Мне не хватало Хелен, ведь я нашла в ней преданного друга, о появлении которого в своей жизни не могла и мечтать. Я начинала страдать от одиночества и печально бродила вокруг Ловуда, в мыслях неизменно возвращаясь к своей подруге. И вот наступил час, когда я встретила нового партнера по играм.

Джек работал в конюшне, где держали пони, на которых возили из Лоутона в школу все необходимое. Я бы так и не познакомилась с ним, если бы не

эпидемия тифа. Обычно учениц кто-нибудь сопровождал, а к слугам нас тем более не допускали. Но сейчас нам позволяли долгие прогулки. Как раз совершая одну из них, я и наткнулась на Джека, который сидел на низкой каменной ограде. Вокруг не было ни души и, когда он поздоровался, мне не оставалось ничего другого, кроме как ответить на приветствие.

Завязался разговор, в течение которого я вынуждена была поведать Джеку о том, почему у меня такой грустный вид. Он горячо посочувствовал беде, постигшей Ловуд, и сказал, что уехал бы отсюда, если бы была возможность получить работу в другом месте, но поскольку это маловероятно, он вынужден остаться.

Мне нравилась его манера говорить, непринужденная, но в то же время далекая от легкомысленного заигрывания, которое могло бы смутить меня. У него были большие, мягкие ладони и широко расставленные зеленые глаза. Его нельзя было назвать привлекательным – коренастая грубая фигура и грязные светлые волосы, но я тоже не считала себя красавицей, и, кроме того, мы чувствовали, что оба одиноки.

С тех пор я часто встречала Джека на том же самом месте во время своих долгих прогулок и всегда останавливалась поговорить с ним. Я знала, что он наблюдал издали за ученицами школы, но ему никогда не удавалось перемолвиться словом ни с одной из них. Таким образом, в его глазах я была неким высшим существом, и это обстоятельство доставляло мне некоторое удовольствие, словно воздавая мне должное за недостаток женской привлекательности.

Я не могла бы сказать, когда именно он впервые коснулся меня или когда его потрескавшиеся губы прижались к моим в поцелуе, но я хорошо помню, как отчаянно мне хотелось, чтобы это произошло. Год прошел с тех пор, как я в последний раз была с мужчиной, а Джек был старше и значительно симпатичнее Джона. Я не любила его, но он нравился мне, и мы продолжали встречаться два раза в неделю, утешая друг друга горячими поцелуями и страстными объятиями.

Я приходила к низкой каменной ограде, где он обычно сидел, и мы шли через Ловудский лес, в конце концов, укрывшись под сенью раскидистого дерева, и жадно прижимались друг к другу, стягивая с себя одежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/sharlotta-bronte/karena-ros/dzheyn-erotika/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Купить: <https://tellnovel.com/karena-ros/dzheyn-erotika-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)